

Жаде́тская

ПЕРЕКЛИЧКА

№ 23

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов За рубежом, Нью-Йорк, США

№ 23

Нью-Йорк

Ноябрь 1979

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine

Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price \$ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Editor

Paul Olferiev

Managing Editor

Nicholas W. Koziakin

Mailing address for correspondence:
Association of Russian Cadets, Inc.
P. O. Box 247, Station A
Flushing, N. Y., 11358

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

1000-летний путь Русской Культуры. Н. Протопопов	3
Как я стал художником. С. Байкалов-Латышев	14
Памяти Поэта. Нонна Белавина	29
«1812-ый год». Ирина Астрау	33
Поездка в Цетинье и Котор	35
*** Стихотворение. Н. Мартынова	40
Кадеты в Гвардейской Школе. А. Бертельс-Меньшой	42
Четвергов. Кн. Н. В. Кудашев	48
Помните чье имя носите. А. Мальчевский	51
Незабываемые встречи. В. С. Данилов	56
«Дела давно минувших дней». С. Якимович	61
Владимирское Соревнование	68
Библиография. Н. В. К.	76
Хроника. Ю. Щ. и М. О., В. Бодиско, А. Мальчевский, С. Якимович	76
Письма в редакцию	85
Памяти Ушедших	88
Памяти кн. Н. В. Кудашева. Н. Козякин	90
Памяти Я. М. Бартош	92
Полк. И. Ф. Сулацкий. С. Якимович	95
М. В. Абамеликов	96
7-ой Съезд Кадет Российских Кад. Корпусов. А. Шмеман	97

Подписывайтесь и распространяйте
«Кадетскую Переключку»

Н. Протопопов.

1000-ЛЕТНИЙ ПУТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*).

Не так давно в русской эмигрантской прессе, в связи с тем, что «нашего полку прибыло» (я имею в виду «третью волну» эмиграции), обсуждался вопрос: кого следует считать русскими? Были разные мнения, но их можно свести к двум основным: 1) русский (или русская), тот, кто говорит по-русски и русский язык считает своим родным языком; 2) русский тот, кто воспитан на русской культуре, кто считает ее своим достоянием и по духу принадлежит к ней.

Второе определение, без сомнения, правильное. Но, что значит «по духу принадлежать к русской культуре»?

Мы знаем, что всякая культура состоит из элементов как физического, так и духовного порядка. Так например, раса (кровь), природа, хозяйственные условия жизни относятся к физическим, внешним обстоятельствам, обуславливающим культурную жизнь данного народа. Но эти обстоятельства, в свою очередь, неизбежно оказывают существенное влияние и на характер народа, его внутреннюю психическую и духовную структуру.

Возьмем расовую принадлежность. Русский сплав представляет собой противоположности славянского и татаро-монгольского элементов. Результат: мягкость характера, музыкальность, лиризм — с одной стороны, и скрытая сила темных страстей, склонность к тоске и разгулу — с другой.

Возьмем природу и хозяйственную жизнь наших далеких предков. Степной простор сильнее всего определил характер русского человека — любовь к воле, и не столько в смысле свободы, сколько в смысле хотения, т. е. отсутствие внутренней дисциплины и самоограничения. К тому же русский народ, в основной своей массе — крестьяне. А трудовой год крестьянина полностью подчинен смене времен года: на смену физического напряжения в летние месяцы приходят долгие зимние месяцы — период вынужденной праздности и безделья. А его зависимость от неповинующей ему стихии: дождя, засухи, снега, града и пр., когда урожай его в руках Божиих. Благодаря этому, русский крестьянин, а следовательно-

*) Доклад, прочитанный на I-м Съезде западно-американской православной русской общественности в преддверии празднования 1000-летия крещения Руси.

но и русский народ, по натуре своей стал глубоко религиозным. И не будет с нашей стороны никаким преувеличением, если мы скажем, что в начальный период русской истории, в древние времена на Руси, религиозное чувство было доминирующим фактором в жизни народа. А раз так, то и культура его была осмысленной и одухотворенной, вела народ к неуклонному духовному прогрессу.

«Позвольте, — могут нам возразить те, кто воспитан на общепринятых, так сказать, традиционных выводах даже некоторых дореволюционных, не говоря уже о современных советских ученых, — древняя Русь ведь была страной варварства, а религия наложила на психику народа характер пассивности».

Вот это, мифы чистой воды, причем мифы вредные, злостно искажающие истинную сущность и природу русской христианской культуры древней Руси.

Даже в Советском Союзе не отрицают факта, что основным событием на заре русской истории, определившим судьбу нашего народа — было крещение Руси, принятие христианства из Византии. В этом событии не только истоки русской духовной культуры, но и ключ к пониманию ее самобытности, ее родства и, одновременно, ее глубокого отличия от культуры Запада.

Православие принесло с собой не только новые нравственные понятия в тогдашний языческий быт, но открыло глубокий духовный процесс оцерковления всей жизни народа. Церковь дала русскому человеку в руки Евангелие (в то время как западные христиане не всегда, в силу незнания латинского языка, имели доступ к латинскому «первоисточнику», славяне уже имели Библию в переводе свв. Кирилла и Мефодия) и русский народ всем существом своим полюбил Христа, а евангельский образ Его сделал своим идеалом.

Христианское благовестие дало Руси также и просвещение, о распространении которого заботились князья, начиная с самого св. и равноапостольного великого князя Владимира, «Красное Солнышко». Первые книги были исключительно религиозного содержания: переведенные с греческого духовные проповеди, основы Православия, жития святых и др. Вся эта литература полностью удовлетворяла единственную потребность русского человека древней Руси — спасение его души.

Таким образом христианство оказалось для Руси тем источником вдохновения, который оплодотворил творческий

порыв народа, его духовную культуру. А духовная культура состоит не только в том, что развиваются и совершенствуются лишь внутренние качества и способности отдельного человека, но также и в том, что создаются произведения духа, которые своим внешним проявлением в состоянии, в той или иной степени, влияют на духовную жизнь окружающей среды, народа и даже всего человечества.

И как результат христианизации души русского человека, оцерковления всей его жизни — поступательный рост иконописного и стенного искусства и церковного зодчества, главным образом деревянного, но также и каменного. Новгородские фрески — в живописи, владимиро-суздальское зодчество — в архитектуре и «Слово о полку Игореве» — в литературе, — вот вершины древне-русской культуры домонгольского периода, оплодотворенной светом принятого всей страной Православия.

«Да, — могут снова возразить нам, — но в цивилизации древней Руси был глубокий пробел: полное отсутствие рациональной культуры — никаких следов философии, науки и даже богословия». Совершеннейшая правда. Но можно ли здесь серьезно говорить об отсталости наших далеких предков, когда вообще никаких шагов в направлении развития этих отраслей духовной культуры сделано не было? В чем же тогда причина такой существенной диспропорции в культуре древней Руси? Наш ответ: в то время, когда на Западе нарочито культивировались воля и мышление, в полном пренебрежении к жизни чувства во всей его благодатной глубине (а это разве не диспропорция?), — в это время русский человек, проникнутый страхом Божиим, строил свою жизнь в строгом соответствии с основами веры, с учением свв. Отцов Церкви.

Никакой византийской или западной философии или науки русский народ в то время принять не мог уже по одному тому, что чистая философия, а тем паче наука, это уже не религия, основанная на догматах Церкви и построенная на христианском вероучении и нравоучении. Это — свободная вера, причем часто с необузданной духовной свободой, способная легко выродиться в праздное мудрословие. Другими словами, все, что не религия — суета сует. А что же касается богословия, то в научном богословии у русского человека вовсе нужды не было, ибо замечательно сказал один из истинно русских мыслителей XIX века Ив. Киреевский: «Учение

св. отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум».

Так глубокую свою веру, свой еще девственный религиозный пафос русский народ закреплял в красках — церковная живопись, в дереве — церковное зодчество, в звуках — церковная музыка и, наконец, в словах — древнерусская религиозно-нравственная литература.

Главными культурными центрами древней Руси были монастыри, а самым из них главным — Киево-Печерская обитель. Это были училища благочестия, рассадники просвещения, богатые книгохранилища, — в их стенах создавались драгоценные памятники древне-русской культуры. Одним из таких памятников является «Печерский Патерик», долго оставшийся одною из самых любимых книг для народного чтения. «По преданиям Патерика можно лучше всего измерить высоту того духовного подъема, на который была способна Русь, только что покинувшая язычество».

Но вот наступил один из самых тяжелых периодов русской истории: татаро-монгольское нашествие. Это нашествие, по словам одного, современного нам историка, «было воспринято на Руси как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Не случайно знаменитому проповеднику XIII века Серапиону Владимирскому для выражения своего впечатления от нашествия приходили на память образы землетрясения».

И, действительно, это русское несчастье было подобно землетрясению: «многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень».

(4)

Но даже и в годы татаро-монгольского ига, и только благодаря Церкви, культурная жизнь народа все же продолжала теплиться. И тем не менее, в результате такого, как бы стихийного, удара внешней силы произошла серьезная задержка в интенсивности развития древне-русской культуры со второй четверти XIII столетия, т. е. с того самого времени, когда особенно интенсивно развивалась культура на Западе.

Татаро-монгольское нашествие не могло не оставить заметных следов и на характере русских людей. Нравы сильно огрубели, народ стал гораздо беднее и эта нужда породила

многие общественные пороки, до того неизвестные в древней Руси. Смута княжеская, борьба за власть, также не знала прежних нравственных преград.

В это тяжелое для Руси время ига, а также ряда страшных стихийных бедствий (мора и голода), воинственное католичество наносит удар в спину православной Руси. Святому благ. и вел. князю Александру Невскому приходится защищать уже не только Землю, но и самое Православие от нашествия... крестоносцев. Предшествуемые св. крестом шли они на христианскую Русь будто на язычников или басурман...

Все эти несчастья, обрушившиеся на русский народ вызвали в нем покаянные чувства и уже, начиная с XIV века, под воздействием Церкви, происходит заметное смягчение нравов. К этому призывают поучения и послания духовенства, а также и летописи духовных писателей, главным образом из монашествующих.

Надо сказать, что в этот период как раз особенно широкое распространение на Руси, кстати, также как и на Западе, получает монашеский подвиг, стремление к аскетическому уединению. Но в отличие от католического, русское монашество не только не приняло крайних форм испущенной аскезы (так, например, среди западных монашествующих широко практиковалось целование ран прокаженных и др. виды экзальтированных самоунижений), но и в отношении верующих-мирян оно — русское монашество — поставило себя в роль воспитателей, а не судей и карателей. «Невежество злесе согрешения», говорится в одном из духовных наставлений того периода. И еще: «Отрекись от пьянства, а не питья, отрекись от объядения, а не яствы (еды), отрекись от блуда, а не женитьбы».

Конец XIV и начало XV века — эпоха резкого подъема русской национальной культуры, период разнообразного и интенсивного творчества народа. Растет интерес к национальному прошлому, к домонгольскому периоду свободы и самостоятельности, к вечевому укладу государственной жизни. Растет интерес и к литературным памятникам домонгольской Руси, в особенности к «Повести временных лет», к «Слову о полку Игореве», к «Патерику», к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, а также к фольклору и былевому эпосу (былинам). Идет интенсивное составление летописных сводов — этих своеобразных хранилищ многих лучших произведений древней литературы, начиная с «Поучения Владимира Мономаха».

Необходимо отметить, что именно летописи сыграли важную роль в пробуждении национального самосознания русского народа. Да и в самом процессе «собираания Земли Русской» их роль также весьма значительна. Московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, освещают события в жизни всех русских княжеств. Возникает и быстро ширится идея «всея Руси».

К этому времени в Москву из Владимира Залесского переезжает русский митрополит и Москва таким образом становится церковным центром всех русских земель. А совсем вскоре после этого, при Димитрии Донском, Москва стала и политическим центром, дав свое имя всей стране. Это же, в свою очередь, сделало ее и культурным центром: именно здесь начинается возрождение всего культурного наследия города Владимира — архитектурные формы, живописная школа, его традиции, письменность и др. Стенная живопись, например, достигает такой высоты, что русских художников приглашают работать далеко за пределами родины. Величайшим представителем московской школы живописи — ее называют также национальной — является гениальный русский художник конца XIV и начала XV века Андрей Рублев.

По всей стране идет восстановление разрушенных монголами и сооружение новых храмов и соборов, — это сделалось теперь главным подвигом народного благочестия и в этом подвиге были едины как князь, так и простолюдин.

Но вот, под воздействием постоянных контактов как с Византией и православным Востоком, так и с Западом путем внешних сношений, торговли, культурного обмена, в Московской Руси начинают появляться явления религиозно-церковного вольнодумства. Есть все основания считать, что занесены они к нам в XV и XVI веках с Балканского полуострова, где уже в XIV веке господствовали два движения: еретическое и мистическое. Не будем останавливаться на первом (ересях), а скажем лишь, что второе — идея «нестязательства» — принесена в Россию преп. Нилом Сорским.

И вот на почве этого «нестязательства» в московских церковных кругах возник спор о монастырских вотчинах. Государственная власть воспользовалась этим спором и приступила к политике секуляризации, т. е. отчуждению части монастырского недвижимого имущества. Этим актом была нарушена существовавшая до того гармония между властью государственной и властью церковной. А это впоследствии при-

вело к печальной памяти подчинению Церкви государству.

Все это было началом открытого конфликта бояр с великим князем, а затем и с царем, закончившийся новым несчастьем для России — тяжелым периодом Смутного времени. И нам кажется, что следует считать справедливым выводом одного из исследователей русской культуры о известном как бы порядке развития оппозиционных идеологий в России: вначале оппозиция носит религиозный характер, к нему присоединяется политический и все заканчивается социальным бунтом или революцией. Все слои населения принимают участие в смуте: бояре, духовенство, служилые дворяне, купцы, крестьяне и холопы, и все они преследуют свои собственные социальные цели, хотя первые два слоя — бояре и духовенство — играли главным образом консервативную роль.

И снова Церковь приходит на помощь государству: от врагов внешних — католической Польши, и внутренних — самозванцев и разбойничьих шаек — своим духовным авторитетом спасает Русь св. патриарх Гермоген.

Несколько в другом плане и на целое столетие раньше Церковь спасала Московскую Русь и от проникновения в нее духовной заразы Возрождения. И только уже в конце XVII века процесс секуляризации культуры, т. е. ухода ее от благодатного воздействия Церкви, приводит Россию к склерозу духовной жизни народа. Печальные последствия этого незамедлительно сказываются: во-первых, одни становятся зажиточными господами, а другие — крепостными рабами, и, во-вторых, и это самое трагическое — начинается период застоя и даже упадка русской национальной культуры, — ее одряхление, как говорят некоторые.

Мы уже говорили о том, что татаро-монгольское нашествие грубой силой затормозило интенсивность развития древнерусской культуры по крайней мере на целое столетие. Ко времени вступления на престол Петра I начинает весьма заметно сказываться отставание России во всех областях культуры, в особенности же материальной. Нужны были серьезные реформы в стране, чтобы Россия могла снова занять надлежащее место среди европейских государств, Царь Петр I понял это и решил: «промедление смерти подобно».

Большинство народа не понимало царя и его целей, а потому пассивно сопротивлялось его реформам. С реформами началась и прививка западной, причем не только материальной, но и духовной культуры. От всего этого больше всего

пострадала Церковь: возник раскол, началось дробление на секты, поиски правильной иерархии и истинной веры в среде консервативно настроенного русского общества.

А новая петровская интеллигенция, воспитанная на западном рационализме, т. е. в отрыве от Церкви и народных традиций, приступила к гонениям на московскую одежду, на обычаи и даже на церковный быт народа. Так родилась «беспочвенность» — этот прототип западничества, которое, увы, уже до самой революции 1917 года оставалось господствующим направлением большинства русской интеллигенции.

И вот, что интересно: пока «апостолами» западничества в России была дворянская интеллигенция, уровень ее культуры, знание языков и личные контакты с Западом спасали ее от духовного разложения и душевной раздвоенности от одновременной принадлежности к двум культурам — отечественной и западной. Но, когда прилив западной культуры начал захлестывать и широкие слои так называемых «разночинцев», то этой культуры хватило у них лишь настолько, чтобы оттолкнуться от России и русской культуры, оторваться от Церкви и вообще перестать верить в Бога. Но об этом речь будет дальше...

Ни один из предшесвенников Петра I не сделал для русской науки столько, сколько было сделано в его царствование: его труды по народному просвещению завершены учреждением Академии Наук, хотя официальное открытие ее и состоялось после его преждевременной смерти. Им же составлен и гражданский алфавит для русского языка.

В отношении языка литературного много сделано Ломоносовым, его «Российской грамматикой» середины XVIII века. Но на занимаемое им ныне как в поэзии, так и в прозе место, русский литературный язык был поставлен великим Пушкиным позже, в первой трети XIX столетия.

А в самом начале XIX века на Россию обрушилось новое несчастье — нашествие Наполеона и его «дванадцати языков». Новое потрясение народной души охватило все слои русского общества в войну 1812 года. Россия победила, но дорогой ценой заплатила она за эту победу. От раздробленности физической в домонгольский период истории, Русь пришла к единству национального самосознания; и от духовного единства в патриотическом порыве Отечественной войны, вскоре же по ее окончании, Россия пришла к раздроблению духовному, более страшному, оказавшемуся чреватым тя-

желыми для нее последствиями.

И еще одна историческая параллель: древнерусский народ, пережив татаро-монгольское нашествие и иго, вернулся к своим истокам, восстанавливая как в памяти, так и в жизни прошлое и культуру своих только что принявших христианство предков. А после нашествия Наполеона большая часть русского народа, пошла, к сожалению, в другом, противоположном направлении, ища духовного подчинения Западу, ценою даже, увы, отрыва от родного Православия.

И вот в образовавшейся в душе русского интеллигента трещине очень скоро начали появляться ростки новой религии, религии отрицания (Достоевский назвал это «религиозностью русского атеизма»). Так в середине XIX века родился нигилизм, отрицавший решительно все: сущетсвующий политический и социальный строй, конечно, христианскую этику, устой семьи и семейного быта и даже культуру. «Коль рубить, так уж сплеча!» — новое в характере русского человека. И от кого же у него взялся такой максимализм?

Духовное дробление народа продолжается. Возникает народничество. Это далеко не демократизм Запада, — это особое, романтическое отношение к народу, как к носителю высшей правды и мудрости. «Опрощение», отказ от культуры для встречи с народом, переодевание и хождение в народ для проповеди социализма. И все это — искупление вины отцов-крепостников, жажда служения ближнему — считалось тогда миссионерским подвигом, «юродством народа ради».

Да и вся русская литература золотого XIX века, классическая, начиная со «Станционного смотрителя» Пушкина и кончая сострадательным юмором Чехова, — пронизана жалостью к меньшему брату. Это целая галерея бедных, маленьких, забытых и страждущих, униженных и оскорбленных людей. А над всем этим — два пророка: «осмеянный» Гоголь и неслышанный Достоевский.

Достоевский глубоко богоцентричен, а потому любит людей даже в их падении и верит в их перерождение силою благодати Божией. Гоголь же — глубина еще неизведанная — ясно видел, что «можно быть лучше того, чем есть человек». Это-то и собирался поведать он во второй части «Мертвых душ», да сжег. И не потому ли, что одержимый Бслинский писал ему: «Проповедник кнута, апостол невежества... Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества...».

Где-то все же и был прав Белинский: для какой-то части русского общества благочестие действительно стало тогда пустым звуком... Но ведь была и другая часть, которая безбожно, материализму и рационализму первой противопоставила Православие, национализм и мистику. Ведь русская культура XIX века дала России не только Бакунина, основателя всемирного анархизма, или Нечаева с его марксистами. Она же дала и Достоевского, Гоголя и славянофилов, среди которых — родоначальники яркого и оригинального взлета русской религиозной мысли Хомяков и Иван Киреевский.

А на заре XX века еще один пророк, последний перед пропастью, уже готовый поглотить гоголевскую «Тройку» — св. праведный Иоанн Кронштадтский неумолчно взывает: «Откуда эта анархия, эта революция, этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбои, убийства, хищения; эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство?..» И еще: «Как хитер сатана! Чтобы погубить Россию, он раздул в ней безверие и разврат через злонамеренных писателей и учителей, через русские средние и высшие школы и через, так называемую, интеллигенцию...»

Увы, «имевшие уши — не слышали». А если и слышали, то не послушались... Пришел «тысяча девятьсот проклятый год». Новое нашествие переживает Россия, самое тяжелое, самое пагубное, ибо цель его — поработить душу народа, отравить ее коммунизмом, а тогда создать нового человека, человека советского. Но как ошиблись, как просчитались эти поработители!

На крови Новомучеников Российских во главе с Царем-Мучеником Императором Николаем Александровичем не могла погибнуть Россия и никогда не погибнет! Как бы далеко мы не находились от нашей Родины, мы видим, отчетливо видим вспыхивающие все ярче и ярче по всей России огоньки веры, веры чистой, веры глубокой. А это ли не залог грядущего освобождения России от ига духовного, коммунистического? И это ли не возвращение к истокам самой жизни нашей — к вере отцов и всех предков наших. Это Хомяков сказал: «Если с дороги сбились, первая задача России — воротиться на правильную дорогу».

А коль вера жива, жива и культура России. И наша с вами задача — бережно хранить ее и нести миру, по которому, Промыслом Божиим, мы сейчас разбросаны. И если эта высокая миссия всегда нами тщательно исполняется, то

со спокойной совестью и каждый из нас вправе словами поэта Майкова сказать:

«Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой,
Что с гордостью я всем сказать могу: я — русский,
Что пламенем одним с Россией я горю».

Н. Протопопов.

ИСТОЧНИКИ.

1. Проф. Н. Арсенев. Духовные силы в жизни русского народа. "Вольная мысль" № 2, январь 1960, стр. 27.
2. Его же. Из русской культурной и творческой традиции. "Посев" 1959.
3. Проф. И. А. Ильин. Культура без сердца. "Русский вестник" № 1, Буэнос Айрес, 1951.
4. Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. Изд-во Академии Наук СССР. М.-Л. 1962.
5. Проф. Т. Локоть. Большевик и культура. "Детинец", сборник 1-ый, Берлин 1922, стр. 83-108.
6. Н. Львов. Московский Кремль. "Вольная мысль" № 2, стр. 80
7. П. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Том II, части 1-ая и 2-я, том III.
8. Монография. К истории православного церковного нения. Вольная мысль № 2.
9. П. Муратов. Открытия древнего русского искусства. "Современные записки", том XIV, стр. 197.
10. С. Орем. Москва в истории русского искусства. "Вольная мысль" № 2, стр. 104.
11. В. В. Познанский. Очерк формирования русской национальной культуры (первая половина XIX века). Изд-во "Мысль" 1975.
12. В. А. Рязановский. Обзор русской культуры. Часть I и часть II, вып. 1-й и 2-й.
13. Е. Спекторский. Христианство и культура. Прага.
14. Н. Тальберг. История русской Церкви. Джорданвилль 1959.
15. Г. Федотов. Судьба нашей духовной культуры. "Вольная мысль" № 1, декабрь 1957, стр. 36.
16. В. Яновский. Пути искусства. "Мосты" № 4, Мюнхен 1960.

Как я стал художником.

ДЕТСТВО.

Этот вопрос задал мне редактор нашей «Переключки». Вопрос щекотливый — это значило написать свою быто-биографию. Другими словами, вжать 70 лет жизни в одну страничку... не так ли?

Существует мнение литературоведов и прочих критиков искусства, что люди творческого склада отражают самих себя, и, в какой-то степени, свое философское «Верую» в своих произведениях. Это бывает намеренно или без этого: так сказать, весь душевный комплекс мыслей и чувств, накопленные жизненным опытом, независимо от желаний, выливается сам собой. Психологи, с дотошностью ученых, ищут причины глубже, отыскивая наследственные качества, передаваемые бабушками и прабабушками. Принимая, как закон, эти мудрые выводы, должен буду сказать несколько слов о моем детстве, когда впервые необдуманно, я взял в руки карандаш, не предвидя последствий этого легкомыслия.

Сказано: «Земля еси и в землю отыдеси». Пусть не подумает читатель, что у меня намерение похоронить его вместе с собой за компанию. Я далек от этого. Но истина эта непререкаемо довлеет над нами всеми. Я же хочу сказать, что тело наше целиком образуется землей, на которой мы родились и живем. Состав почвы, климат и прочее, и есть та самая «Мать сыра земля», которой мы обязаны началом своей жизни, и которую древняя наука астрология не обошла вниманием, а наоборот, указала, как на особо важную жизненную причину. Тибетская медицина в своей фармакологии прежде всего обращается к элементам земли, почвы, на которой развился и вырос ее пациент.

Все это не так наивно и я свидетельствую собственной персоной, прожив 70 с лишком лет, что должен с почтительным поклоном вспомнить тибетского врача, сохранившего мне жизнь в далекой Маньчжурии, где я родился ровно через год после японской войны. Если в Америке существовал «Дикий Запад», то у нас был «Дикий Восток», и именно в эти годы.

Моя мать, отпрыск потомственных и убежденных Запорожцев, самый младший, 14-й по счету, ребенок, до 25 лет безвыездно прожила под теплым крылышком родителей на дедовском хуторе под Сумами. Ее же мать, а моя бабушка, смолянка строгих правил, решив однажды, что излишняя грамотность девочкам неприлична (а их была целая дюжина), нашла остроумный способ воспитания без всяких бонн и гувернанток — всем девочкам в большом саду построила каждой по деревянному домику: учитесь быть хорошими хозяйками. Моя же мать у деда выпросила старую баню, где и поселилась, и ее хозяйство были всякие звери и птицы, которыми в изобилии снабжали ее приятели — деревенские мальчишки. Так — сорока прожила с нею до ее замужества, всюду ее сопровождая. Однажды, войдя в магазин в Сумах, за ней влетела со стрекотом и села на плечо ее любимая сорока, к удивлению приказчика и публики.

Но пришел день, когда мой дед должен был отпустить любимицу-красавицу и он не без юмора повторял за большим столом, когда, как всегда, садилось не меньше 20-25 обедающих: «О, то ж, дывыся, люблю дочку мушу виддать за Москаля?» (т. е. за моего отца), к тому времени закончившего Чугуевское юнкерское училище фельдфебелем второй роты юнкеров. Все же в знак особой симпатии к этому «Москалю» он передал ему вместе с «дочкой» в день свадьбы родовую кавказскую шашку «Клыч», полученную пра-прадедом Запорожцем в награду в турецкую компанию от самой Екатерины Великой.

В Японскую войну, чтобы быть на фронте вблизи отца, моя мать пошла сестрой милосердия. Где-то в зарослях гаоляна, при отступлении армии, под Мукденом, она нашла потерянного или брошенного ребенка-китайченка. Острое материнское чувство проснулось в ней с ожиданием своего ребенка, и не позволило ей пройти мимо плачущего дитяти и она подобрала его. С тех пор он вошел в нашу семью, став нянькой и пестуном со временем, всех нас троих детей. Звался он «Бойка Николашка» в честь моего отца. Не вспомнить

его, эту преданную китайскую душу, было бы грехом с моей стороны, и пусть не посетует на меня читатель за это лирическое отступление. Но ведь, именно он поднимал из под стола с полу без счета роняемые мною карандаши. Мне было уже лет 5, нашему же бойке лет 15.

Мы жили в Харбине, в крайнем доме по Офицерской улице, против Пожарной Команды Барского, и около переезда железной дороги, по которой весь день туда и назад ходили на механические мастерские паровозы и товарные составы. Здесь же, сразу за переездом, начинался китайский поселок, а позади него, неперенная лужа черной грязи со свиньями, переходившая в болото покрытое ярко-зеленой ряской, и с жирными лягушками. Болото вместе с лужей было предметом воинственного азарта нас, мальчишек, русских и китайчат. Последние почти всегда, показывали нам свой тыл, сверкая разрезом позади штанцов, обнажая выразительную анатомию того, на чем обычно сидят. Нас, победителей, такое зрелище повергало в неистовый восторг.

Это было, примерно, 1912 год, когда мой отец, в чине штабс-ротмистра, получил назначение начальником конновьючной пулеметной команды 1-го Заамурского Конного Полка. Совсем недалеко от нашего дома (а это был край города) находился овраг, с майданом для выемки глины. Здесь было очень удобное место для учебной стрельбы боевыми патронами. Как известно, мальчишки народ слишком любопытный, чтобы оставить такое интересное место без своего присутствия. Прячась в кустах позади и затаив дыхание, мы глазели, как под треск пулеметных очередей, прыгала фонтанчиками твердая глина за щитками мишеней, отбитая пулями. Когда же стихала эта воинственная музыка и солдаты сновисто ставили свои пулеметы на вьюки, садились на коней под командой офицеров и уходили — майдан пустел и все замирало. Тогда наступал наш черед: мы выскакивали из своих кустов, чтобы поковыряться в стенках оврага, раскатывая застрявшие в глине пули. То были яркие впечатления, незабываемые картины, видимые мною, как на экране и сегодня. Прибегая домой, я хватал карандаш и бумагу, заполняя ее решительными каракулями всех цветов. Малиновым огнем плевались пулеметы, неслись зарядные ящики на кривых колесах, бежали солдаты с пулеметными лентами, синие, желтые и рыжие кони с вьюками — инвалиды на все четыре ноги, скакали во все стороны и т. д. — Одним словом весь

пафос пережитого волнения выкладывался здесь на листах бумаги. Не забыты были также и бесконечные паровозы с вагонами, весь день напоминавшие о себе гудками. Для них было необходимое дополнение — дым вился из трубы бесконечно длинной спиралью. Без этого паровоз — не паровоз — он не живой. Где теперь увидишь эту прелесть?!

А то, бывало, под вечер, шагом в конном строю, команда отца идет с полевого учения. Я же, уже поджидал ее у обочины дороги, когда меня всадник «справа шестой» подхватит и посадит на заводного коня. Я верхом в емком казачьем седле, крепко держусь за луку, в самой гуще строя.

«Звенит звонок и тройка мчится», высоко берет запевала, «вдоль по дорожке столбовой...», дружно, голосисто гремит вся сотня. Тогда неизъяснимым восторгом и гордостью охватывает меня всего и волна счастья и буйной радости, заливает сердце... Можно ли забыть эти отроческие переживания?

Неожиданно, броском, нагрянул роковой 1914 год. Кончилась дальневосточная идиллия. И потянулись воинские эшелоны 12-ти Заамурских полков в далекий путь на Запад, на войну. Мы всей семьей тоже оторвались и почти до Киева шли с Заамурцами. Вот и он, замечательный и невиданный большой город — Киев. Я на главной улице Крещатики. Март месяц, солнышко и тепло. На голове черная, длинного ворса, папаха с зеленым шлыком и солдатской кокардой. На мне черная шинель, с зелеными погонами, и трафаретом — буквой «А» украшенной короной. Воспитанник Училища-Приюта Наследника Цесаревича. Я «большой» — мне 9 лет. Мимо несутся лихачи под разноцветными сетками, гудят автомобили и проносятся гремя пульмановские вагоны трамваев. Голова кружится с непривычки от всего этого, и от массы нарядной публики, офицеров и солдат. Но все не по нашему, не по заамурскому. Погоны синие, красные, желтые, а зеленых — нет. Невольно трушу, — хотелось убежать. Бежать пришлось потом... Не по своей воле...

Пронеслись бурные годы, и мы, дети этих лихих лет, без счета, потеряли свои семьи, и родных. Но мало того, оторвались и от своей земли, оказавшись в славянской братской стране Сербов, Хорватов и Словенцев. Я был уже кадетом Сводного Киево-Одесского Корпуса в городе Сараево. Это был 1920 год. И здесь, среди боснийских гор, в полутурец-

ком Сарасво, в казарме Короля Петра, началось наше зарубежное бытие. Много труда положили на нас наши офицеры воспитатели, во главе с директором, чтобы мы успокоились от пережитого и вошли бы в узкие рамки казарменной дисциплины. Не шли в голову мне нехитрые наши науки, не хотела память потерять пережитое. И невольно листы тетрадей и обложки книг покрывались пестрым разнообразием всяких рисунков. Такими же пестрыми оказывались оценки учебных успехов по 12 балльной системе. И только в графе по рисованию гордо стояло среди однозначных скромных цифр — двузначное 12. Откуда-то нашлись рисунки — гравюры гоголевских старосветских помещиков, а затем замечательные зарисовки эпопеи 12 года, художника Самокиша, и я с увлечением стал их копировать для стен корпуса. Но не только цензурно благонамеренные упражнения карандашом и пером занимали меня. Озорной дух, нашел и живые модели, в выразительных лицах наших преподавателей и воспитателей. Портретная карикатура заполнила тетради. И в моей коллекции оказались небезизвестные «Паганель», полковники Миончинский, горячий «Пончик», Ракитин, — математик, милейший Тычинин, которого мы любили слушать на его уроках-лекциях русского языка и литературы. И вот это, портретная графика, едва не стала для меня фатальной. Однажды мой воспитатель, капитан Карпов (потом подполковник), взглянув на мои упражнения на вечерних занятиях, с грустью вздохнул, посмотрел на меня с укоризной, и вымолвил, что если я не исправлюсь (то ли по баллам, в успехах, то ли не перестану заполнять тетради, вне учебным предметом), то меня попросят покинуть Кадетский Корпус. Предупреждение было серьезным, хоть и деликатным и я «исправился» настолько, что поднял к выпуску на 2 балла средний в аттестате. Но обидел добряка преподавателя рисования, нашего доблестного замурца, капитана Реммерта. Я весь год ничего для него не сделал, и его просьбу скопировать репродукцию в красках известной картины Богданова-Бельского «Мальчик в дверях сельской школы» так и не исполнил. И в аттестате унес не постоянные 12, а 11.

Близилась выпускные экзамены и мы, мечтали украсить свои незадачливые головы алой бескозыркой славной гвардейской школы, мучительно и трудно набирали баллы для наших аттестатов. Но полковник Гуцин, математик, бывало посмотрит на скучную фигуру кадета, по своей манере, исподлобья,

опустив длинные усы совсем к журналу, и скажет: «Ну Вы, как? тоже красную шапку наденете? ну, б поставлю!..»

Этот Донской Казак, офицер генерального штаба, доблестно руководивший вместе с капитаном Реммертом, боевым испытанием кадет при походе на Румынию, обладал независимым характером, не без чудачества. Его теория в отношении своего здоровья, была тоже не без оригинальности: он утверждал: организм требует дважды в году хорошей встряски, что значит «крепко выпить». Но его нос сливой привыкший к «Донскому Цымлянскому» свидетельствовал, о более частой «встряске». Уйдя из Корпуса, он оказался в китайской каше на Дальнем Востоке, командуя каким-то китайским отрядом, неизвестно за кого и за что сражавшемся. И также неизвестно, как и где он закончил свою жизнь.

ШКОЛА И ВСТРЕЧИ.

“С кем поведешься, того и наберешься”
— русская пословица.

После корпуса не сразу я попал в Белград. А в самом Белграде не сразу взялся за кисти. Прошли еще годы студенчества в Белградском Университете, где сменил я два факультета: технику на философию с тем, чтобы в результате сама жизнь не заставила бы меня взять в руки сократительные орудия искусства живописи — карандаш и кисть. Первым дебютом были зарисовки характерных типов улиц Балканской столицы: разносчики, пыльщики-албанцы, чистильщики улиц и сапог и т. д. Рисунки понравились и меня уговорили напечатать открытки. По началу их очень неохотно брали киоски, а в одном так просто обругали: «шта је ово, то је ругло за Београд», и не взяли. Но приехали с визитом немецкие летчики и забрали все, что было.

Тогда же нашелся мой первый соблазнитель — вступить на тернистый путь художника, и был это Коля Тищенко-Слон — 5-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса. Он был уже известным сотрудником юмористического журнала «Остриженный Еж» (Ошишани Жеж), под псевдонимом «Тэн». Его ценили, как лучшего бытового карикатуриста. Его чувство юмора, умение подметить характеры, врожденная критическая наблюдательность с добродушной веселостью в рисунках, пользовались большим успехом. Предложил он и мне попробовать свои силы в «Еже». С его помощью рисунки были приняты, что, конечно, меня обнадежило. Но Коля, или, как мы его

звали по кадетской памяти, «Слон» (почему «Слон» — это для меня и до сих пор загадка, ибо ни ростом, ни весом, он не напоминал это массивное животное). Слон указал мне на ошибки в самой технике рисунка и дал совет мне сделать роковой шаг — записаться на вечерний курс рисунка художника Добровича. Первый шаг был сделан.

С открытием же школы художника-академика Младена Иосича, я стал студентом и этой школы в течение последующих 4-х лет. Попутно, для жизни, я начал свое художественное издательство для детей, в котором тоже мне очень помог добрый «Слон».

Несколько слов о моих учителях: — за год пребывания на вечерних курсах у Добровича, я его видел только два раза и всему чему я там научился, это не у него, это не от него, а от коллег-студентов.

Другим оказался художник Младен Иосич. Он постоянно присутствовал на занятиях, подходил, поправлял, но при этом почти не давал указаний. Однажды приняв торжественную осанку, произнес коротенькую, но содержательную речь: «Господа! Вас здесь около ста, мечтающих стать художниками. У Вас есть одно общее — это то, что Вы все немножко «тронутые». Так сказать с сумасшедшинкой («луцкасте» — по сербски). Но выбьются в художники двое-трое. А остальные потонут». Дружный смех и аплодисменты закончили его слова, и должен сказать, насколько потом мне стало известно, приблизительно так оно и случилось.

Моя удача была в том, что я мог сам выбирать своих учителей. Как раз в это время появились прекрасно изданные рисунки в карандаше художника-академика Любомира Ивановича. Это был замечательный и своеобразный рисовальщик, посвятивший свою жизнь рисунку карандашом. Второго такого рисовальщика по мастерству и умению передать жаркое южное солнце, с контрастными черно-прозрачными тенями, вокруг турецких домов Южной Сербии, или старых монастырей, южных городов и городков не было и нет. Бывая в Париже и выставляясь, он пользовался неизменным успехом и исключительными похвалами критики. Я приобрел несколько его альбомов и, буквально, впился, изучая его технику и свободную манеру в движении карандаша. Я вообще

люблю карандаш, и Люба Иванович, своими альбомами научил меня видеть рисунок в природе и в городе, как и в больших моделях полуразвалившихся каменных сооружений — крепостей с уходящей вдаль перспективой широкой панорамы, так и в малых предметах, как корень дерева, старые деревянные ворота и т. п.

Впоследствии, много работая карандашом сам или с учениками, я тоже дважды был издан: — в Штатах был напечатан альбом «Типы старого Белграда» — и, затем, в Чили — «Горы Вальпарайзо», — получившие признание критики в прессе, русской и иностранной.

В Белграде же мне повезло близко сойтись с нашим русским академиком, покойным художником Степаном Федоровичем Колесниковым. Тоже замечательный рисовальщик и исключительный колорист в пейзаже. Его мастерство настолько выделялось из общей массы, а его выставки привлекавшие массу публики, не могли не вызвать чувства ревности у коллег рядом с восхищенными отзывами. Он стал королевским художником. Им расписан плафон оперного театра и храм в Охриде, а его картинами украшались многие дома и салоны в Югославии. Его знали и за границей, и особенно покупались его картины в Канаде. И я конечно всячески старался использовать советы этого исключительного мастера живописи пейзажа, бывая гостем в его мастерской.

Более тесные дружеские отношения завязались у меня с художником маринистом Арсением Петровичем Сосновским и его супругой художницей Галиной Георгиевной Бояджиевой, закончившей еще в Москве Строгановское Училище Живописи и Ваяния и ставшей известной своими работами крымского пейзажа. Они оба выставлялись в разных странах Европы. Прожив 10 лет эмиграции в Далмации. Арсений Петрович — талант самородок, бывший морской офицер Императорского флота, попав в Далмацию, стал писать морской пейзаж, после встречи с известным уже маринистом, племянником Айвазовского, художником Ганзеном. Влияние последнего не могло не сказаться на Сосновском. Но то, что я видел у Ганзена на его выставках в Белграде, я запомнил, как звучала несколько приглушенная его благородная цветовая гамма без ярких эффектов. Его композиция отличалась продуманной серьезностью. Сосновский же отличался тонким знанием анатомии волны и «чувством воды». Морская стихия была ему сродни и его колористическая гамма была звонче и оптимистичнее.

Мы много часов провели с ним в беседах на общие темы. Любил он и пофилософствовать и особенно по вопросам близким к тайновидению. Он был также хороший музыкант и певец. Был певцом Белградской оперы после войны. Я вспоминаю с благодарностью эту супружескую пару настоящих артистов-художников, оказавших на меня свое влияние еще во время школы, до войны. Море я стал писать под влиянием того, что воспринял из мастерской Арсения Петровича.

В Белграде несколько раз приезжал наш знаменитый русский художник Богданов-Бельский, выставляя свои замечательные работы на темы русской деревни, с ребятишками, сидевшими, как воробьи, на жердях сельских плетней. С ним я познакомился и от него узнал, что он был членом общества Куинджистов в Петербурге в период, когда был председателем этого общества художник Яков Иванович Бровар, родной брат моей матери. Он мне рассказал несколько интересных эпизодов из их жизни и, в частности, поведал что Яков Иванович не входил в творческие коммуны, держась, как его называли, «индивидуалистом» и был не в фаворе у властей. Он умер в 1937 году, работая над темой «Суворов в селе Кончанском». Тетеперь же много музеев в СССР выставили его многочисленные пейзажи Сибири, Юга и Севера России. Он также много работал в Царском Заповеднике — «Беловежской Пуще», по специальному разрешению из Двора. Одно время он был за границей, выставляя в ряде стран, в которых музеями были откуплены с выставок его картины.

Конец Второй войны определил начало нового этапа в моей жизни художника.

В Германии, среди беженских лагерей и по частным квартирам полуразрушенного Мюнхена, обрелось немало русских художников, что-то около ста. И создали свое Объединение под председательством, теперь уже покойного, художника Орехова, из Югославии. Здесь я встретился и подружился с молодыми художниками, прибывшими со второй волной в эмиграцию.

Костя Черкашенинов, Миша Лазухин, Сергей Бонгарт, Владимир Шаталов, все они теперь в Штатах. Последние два выдвинулись, получив почетное звание академиков живописи. Сергей Бонгарт стал выдающимся мастером на Западе, в Калифорнии, он же и директор замечательно организованной им школы живописи. Шаталов — известен на Востоке в Филадельфии. В большой степени я испытал их влияние на себе,

оказанное в период нашей дружбы в Мюнхене и я с благодарностью вспоминаю их теперь, по прошествии 30 лет. Артисты — это натуры впечатлительные, восприимчивые в окружающей среде. У художников же эта восприимчивость зрительная особенно развита. А потому все, что попадает в поле нашего зрения, — оседает в памяти, независимо от нашего «хочу» или «не хочу». Этим и объясняется интерес и тяга художников друг к другу и их взаимное перенимчивое влияние.

Затем последовала моя иммиграция в далекое Чили, страну исключительно живописную и благодатную богатством мотивов для живописца. Не зная еще всех особенностей жизни в этой стране, я намеренно выбрал ее по своим географическим особенностям — и не ошибся. Хотя бы уже потому, что в этой маленькой по населению стране, оказалось много прекрасных художников, всех возможных направлений и мастерства. В течение года в одном Сантьяго, — столице, можно было насчитать от 300 до 350 индивидуальных выставок и с десятков официальных салонов. По приезде, я не сразу стал выставляться, и первый мой дебют был отмечен в газетах весьма похвальной критикой, в которой главным образом были отмечены выставленные морские пейзажи. Оказалось, что здесь море, — одна из любимейших тем, как для художников, так и для публики. И в Чили был известный мастер Казанов старший, ездивший в Россию, чтобы специально посетить мастерскую прославленного мариниста, Ивана Константиновича Айвазовского. Там же созрел и вырос, получив общее европейское признание, офицер английского флота, художник-маринист Sommerkelz. С ним случилось то, что он застрял в Чили по болезни, когда он, как молодой офицер серьезно заболел и был оставлен в местном госпитале. Ему так понравилась Чили, что он в нем остался. Здесь расцвел его талант исключительного мариниста.

Почему же выделяют художников моря? И верно, — хороших маринистов мало. Вот условия для этого: надо любить морскую стихию, во всех ее перевоплощениях. И тогда, когда оно приятно вас ласкает и нежит, и тогда, когда оно срыгает свой буйный нрав, взволнованной стихии, на нас, потерянных в бесконечных просторах океанов. Здесь получает свое оправдание и глубокий смысл поговорка: «Кто в море не бывал, тот Богу не молился». Ощущение реального присутствия Творца и Его воли испытывал не раз моряк — «старая соль» (олд солт), в реве разъяренной бушующей стихии.

В любви к морю кроется творческая интуиция художника мариниста. Второе условие — это зрительная память. Она должна быть остро развитой, чувствительной для быстрых смен, впечатлений, как лента в фото-аппарате, с экспонажем в сотыя секунды. Ведь море живет, меняясь каждый следующий момент. Это не неподвижная модель, когда можно не торопясь поставить на треногу свой холст, а начавши эскиз в наброске, отложить его на завтра, на то же время. Художник моря, в натуре, больше смотрит, следит и изучает, стараясь запомнить всю цветовую гамму катящихся волн и их капризную анатомию, с изменчивой формой, короной пены или без нее, и со множеством рефлексов. В эскиз попадают лишь крайние обобщения, все же остальное уносится памятью в мастерскую. Эта память как необходимое техническое средство в процессе работы над картиной, имеет своей первопричиной, прирожденное свойство, души художника, так называемое «чувство воды». С ним вяжется умение видеть цветовую тональность и чувство композиционного построения. Только соединив эти четыре условия, с природной артистической одаренностью, можно написать настоящее море, а не его подобие, как это часто бывает. В Чили я смог спокойно продолжить профессиональную деятельность художника. Почти ежегодно я устраивал свои персональные выставки в разных городах и участвовал во многих конкурсных официальных салонах, устраиваемые обществами художников, как «Сосьедад насиональ де Бельяс Артес», в Сантьяго, «Сосьедад офисналь», тоже из Сантьяго, «САБА» — «Аконкагуа Бельяс Артес», Салон Морской Лиги в Чили, «Сосьедад де Бельяс Артес де Винья дель Мар», в Вальпараизо, и т. д. В результате я был замечен, как критикой так и публикой. На мои выставки в Сантьяго были присланы фильм-операторы, фильмовым предприятием «Емелько», делавшим съемки событий за неделю. Это был «журнал недельных событий» для показа в кино-театрах, по всей стране, как и в другие страны Южной Америки, куда эти фильмы попадали. Это считалось редким успехом для художника и мало кто мог быть заснятым не платя ни гроша, как это делал я.

Когда же я получил ряд наград в Салонах и похвальную критику за мои морские пейзажи, то за мною утвердилось, звание художника-мариниста в Чили.

Два слова о выставках. В Чили, да и во всей Южной Америке, любят живопись. Поэтому если для художника его персо-

нальные выставки нечто вроде именин, то для публики это художественное событие — праздник. Вернисаж с коктейлем и речами, с празднично-нарядной публикой, создает повышенное настроение. Это парадный прием гостей автором художником. Неоднократно мне приходилось устраивать такие праздничные коктейли на своих выставках, иногда со своими учениками. В большом выставочном зале, специально для этого предназначенном, размеров в 20 на 10 метров, еженедельно сменялись художники, оживляя столицу и ее культурный уровень. Однако, существует превратное мнение и особенно во Франции, что в Южной Америке в таких больших городах как Мексико, Лима, Буэнос Айрес, Сантьяго де Чиле и т. д. вовсе отсутствует настоящая артистическая жизнь. Но вопреки этому предвзятому и ошибочному мнению, кроме своих собственных артистических сил, постоянно гостят корифеи всех отраслей пластического и вокального искусств. И особенно часты визиты разных первоклассных балетов, певцов, певиц и художников из Европы и Соединенных Штатов, когда они являются средством политической пропаганды, что теперь везде в моде. Все же, например, Франция, никак не хочет признать, что приезжающие к ней американцы, с севера или юга, достойны того признания, которое им было оказано в их странах. Прибыв во Францию я должен был начать, как бы, сначала свою деятельность художника. Выставляясь в салонах на юге Франции, в Монако, на Корсике или в Париже, мне удалось, наконец, вызвать к себе доверие французов, как жюри, так и публики.

Тогда я пришел к выводу, что старушка-Европа, уже давно без достаточного основания ревнует о чистоте своих риз и о целомудрии искусства в целом. Больше столетия прошло, как эти высокие качества утрачены безвозвратно. Было время, когда она дерзала молодостью, очаровывая по королевски пышными нарядами, сверкая роскошью и изумляя мастерством. Теперь же она, Франция, вся в воспоминаниях о прошлом, пряча в музеи, как в фамильные сундуки, туалеты своего бывшего царственного величия. Увы, но это так!

Эти впечатления и размышления не без грусти, пришли после 20-тилетней вынужденной разлуки с Европой. Вернувшись во Францию, уже созревшим художником, упрямо хранящим по-прежнему поиски красоты в живописи, которая, как будто теперь не нужна, я временами думал, что и художник-то я ненужный, так сказать — лишний. Оказалось же —

красота все же нужна. И те же французы мне отдали должное в том, чему не хотели доверять вначале. В Чили, как затем и на юге Франции, в бело-чистеньком Канн, мне пришлось продолжить занятия с группой учеников.

Я приучал своих учеников глубже любить природу, и ее нескончаемое богатство, чем любит ее обыватель. Постоянные выходы «в натуру» это лучшее средство ее изучить, понять и полюбить. Она же, природа, лучший учитель.

Начинал я, прежде всего, с того, что приучал держать в руке карандаш, работая им свободно, как кистью. Композиция, форма, объем, усваивались вместе с перспективой видеть предметы не приклеенными на плоскости, а уходящими вглубь пространства. И мои ученики полюбили эти наши выезды в «плен эр», в природу в Чили, или в маленькие городки на Кот д'Азюр во Франции. Где неподражаемая прелесть многовековых каменных домов, с чугунными решетками в окнах, и с окованными железом, массивными дубовыми дверями, в узких кривых улочках, хранила в себе молчаливую мелодию жизни прошлого.

Еще остается сказать несколько слов о росписи греко-арабского православного храма в Винья дель Мар, морском курорте Чили. Для выполнения этой задачи, пригласили художника и изографа Владимира Яковлевича Предаевича, извест-

ного еще в Югославии, где он расписывал много сербских православных храмов. И церковь на Опленце. Там была усыпальница сербских королей. За эту работу он был удостоен высокой награды — ордена Белого Орла. Храм в Винья дель Мар был построен по проекту русского архитектора Вадима Константиновича Федорова. Предаевич и я расписали иконостас. Я написал иконы северных и южных врат и двухметровые иконы поклонного ряда. А также написал фрески Рождества, Воскресенья и Крещения Господня.

Чтобы расписать Православный Храм, нам — художникам, пришлось выдержать борьбу с греко-арабским комитетом по постройке этого Храма. Мы старались доказать, что нельзя расписывать храм под итальянскую живопись, а нужно настоящее Православное религиозное искусство. Такую же борьбу, как ни странно, пришлось мне выдерживать при росписи нашего русского православного храма, доказывая нашим прихожанам, что Православная Икона в технике русской школы иконописания, это не художественный каприз, но Литургическая необходимость для православного храма. Мне пришлось выдержать очень много разговоров на эти темы, обдумывая аргументацию, чтобы она стала убедительной для всех в одинаковой степени. Из этой борьбы и размышлений польза оказалась та, что на тему религиозного искусства я написал ряд статей в газетах и журналах.

В другой раз я на эту тему скажу подробнее, теперь в итоге всех размышлений, я пришел к категорическому выводу: нельзя под термином живописи совмещать две разные дисциплины изобразительного искусства, а именно: искусство живописи призвано вызвать в нас комплекс душевных эстетических эмоций, религиозное искусство иконописания и стенописания, обращено целиком к эстетике высшего порядка, не эмоциональной, а духовной.

В настоящее время, живу во Франции и продолжая участвовать в разных салонах, я оказался вынужденным, по обстоятельствам частного порядка, полгода жить в Испании. Здесь я увидел, что культура изобразительных искусств в Испании стоит в настоящее время выше чем во Франции. Любовь испанцев к живописи можно видеть на их выставках, посещаемости выставок и салонов, как и широкой популярности имен корифеев испанской живописи, чьи картины собраны не только в большом и по всему миру известном музее Прадо в Мадриде, но и во множестве других городов. За короткий срок

мне самому удалось участвовать в нескольких салонах, и трижды собрать свои персональные выставки, одну исключительно рисунков карандашом испанских мотивов. Эта выставка, в маленьком курортном городе Дении, имела свой значительный успех, хотя бы потому, что целиком была раскуплена публикой.

Но тревога сегодняшнего дня, не только в области мировой политики, но и за судьбы искусства и литературы во всем мире. Хаотическая свобода без направляющей идеи и философского критерия, царит среди деятелей искусства. Художники, в подавляющем большинстве, сами ясно не представляют кому и для чего служит их творчество, да и мало кто задается таким вопросом. Отсутствие философской перспективы рождает глубокий пессимизм, прикрываемый эффектами эстетического нигилизма и отрицания жизне-утверждения. Эта потеря опоры в вере, в непререкаемость некоей абсолютной истины, независимой и объективно существующей, преобладает сегодня. Было же время когда художник верил в абсолютность истины, для которой служил и которую отображал в своем творчестве. И тут надо вспомнить диалог Спасителя с одним из законников испытывавшим веру Иисуса Христа, на что Спаситель ему ответил вопросом же, какая первая и главная заповедь:

Повторим ее и мы вместе с законником:

«ВОЗЛЮБИ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО, ВСЕМ СЕРДЦЕМ ТВОИМ, ВСЕЮ ДУШЕЮ ТВОЕЮ, ВСЕЙ КРЕПОСТЬЮ ТВОЕЮ, И ВСЕМ РАЗУМЕНИЕМ ТВОИМ» —

вот это и есть то «Верую», которое утратило человечество и мечется терроризированное хаосом из-за веры в ложную свободу.

**Сергей Байкалов-Латышев
выпуск 4-й Р.К.К.**

ПАМЯТИ ПОЭТА

(Князя В. А. Сумбатова).

КАДЕТ

Что алей — околыш на фуражке
Или щеки в ясный день морозный?
Что яснее — яркий блик на пряжке
Или взгляд смысленный и серьезный?

Уши надо бы укрыть от стужи,
Но законы — и в мороз законы:
На груди скрещен башлык верблюжий,
Проскользнув под яркие погоны.

Заглянул в зеркальную витрину:
Вид — гвардейский, вид — отменно бравый,
все в порядке должном, все по чину, —
Не напрасно пишутся уставы!

Вот навстречу три драгуна рядом, —
— Офицеры, а идут не в ногу! —
Отдал честь, но очень строгим взглядом
Проводил их. Даме дал дорогу.

Локтем ткнул раззяву-гимназиста, —
— Рябчик, шпак, а корчит панибрата! —
Отдал честь по офицерски чисто,
Повстречав с Георгием солдата.

Впереди завидел генерала,
— Отставной! И старенький, бедняга! —
Взял на глаз дистанцию сначала,
Повернулся за четыре шага,

Стал во фронт, чуть стукнув каблуками,
Вскинул руку, вздернул подбородок,
Генеральский профиль ест глазами, —
Знай, мол, наших, Я — не первогодок,

Мне — двенадцать, третий год в погонах!..
Третий год, а он уже мечтает
О гусарской форме, шпорных звонах,
И себя корнетом представляет.

— Да-с, корнет! А впрочем — осторожно!
Проглядишь кого — и попадешься.
На бурбона напороться можно,
И тогда хлопот не оберешься!

А доложишь в Корпусе об этом, —
Назовут позором и скандалом!..
Хорошо, конечно, быть кадетом,
Но, пожалуй, лучше — генералом!

В ПОХОД (Барабанный марш)

Длинною колонной
шли войска и пели,
эхо хохотало
им в ответ,
полные народом
улицы гудели,
флагами был город
разодет.
Дробью рассыпаясь,
били барабаны,
солнце клало блики
на штыки, —
в дальние чужие,
вражеские страны
с песней развеселой
шли полки.
В песне бушевали
молодость и силы,
звали к пляске, смеху, —
не к войне,
будто и не ждали
братские могилы
жертв на чужедальной
стороне!
Будто не прощались
с воинами жены,
плача у любимых
на груди,

будто не звучали
жалобы и стоны
в битвах беспощадных
впереди...
Город распрощался
с войском у заставы,
матери рыдали
вслед полкам,
дальше провожали
лишь кусты, да травы,
да склонялись ивы
по бокам.
Отблески заката
в небе доцветали,
мягко золотились
облака,
войско уходило
в розовые дали,
песня разливалась,
как река.
Волнами шумели
песни перекаты,
удаль в ней бурлила, —
не вражда,
с песней разудалой
в даль ушли солдаты,
чтобы не вернуться
никогда.

СРАВНЕНИЯ.

Оттенкам счета нет в садовой панораме.

Средь зелени, где солнца луч залег,

Чуть движет черно-желтыми крылами

Над белым крестоцветом мотылек.

И вдруг встает в лучах воспоминаний —

Сравнения неоскудевший дар —

Георгиевский крест на доломане

Зеленых гродненских гусар.

1958

Эти три стихотворения принадлежат перу поэта князя Василия Александровича Сумбатова, скончавшегося в Ливорно 6 июля 1977 г. Каждому, прочитавшему эти стихи, ясно, что у автора душа военного. В самом деле, родившийся в Петербурге, в 1893 г. кн. Сумбатов начал свое образование в Пажеском корпусе. После смерти отца, он покинул корпус, переехал в Москву к тетке и продолжил учебу в Дворянском пансионе. Как только началась война, кн. Сумбатов пошел добровольцем на фронт. Был ранен и отправлен в госпиталь в Царском Селе. По выздоровлении, был командирован в свой родной Пажеский корпус для прохождения офицерских курсов. Окончив курс, Сумбатов возвратился на фронт в Елизаветградский полк. Снова был ранен тяжело, и долго лежал в клинике в Киеве. В Москву вернулся в самый разгар революции, никого из своих там не нашел. Вскоре женился на дочери директора 4-ой мужской гимназии, Елене, и в 1919 г. Сумбатовы попали в Рим, где прожили 40 лет, позже переехав в Больцано, а затем в Ливорно. В Риме Сумбатов работал, как миниатюрист в Ватикане. Также был консультантом по военным формам, когда ставились фильмы из русской жизни, и рисовал костюмы для театра и кино. К несчастью, стал терять зрение — разрыв сетчатки в глазах и последние 13 лет прожил слепым. Это краткая биография человека.

Теперь я хочу сказать о поэте, о котором современная критика сказала незаслуженно мало. Правда, поэт выпустил всего два маленьких сборника, но мне кажется, что творчество оценивается не по количеству, а по качеству. А качество стихов Сумбатова превосходное. Первый сборник под названием «Стихотворения», издан в Милане в 1957 г. Уже по этой маленькой книжечке можно представить себе внутренний облик

поэта, человека настоящей культуры и неподдельной честности. У поэта четкое понятие о добре, и зле, простая и ясная вера в Бога и глубокая неизменная любовь к России. По форме стихи классически чисты. Никаких новшеств в размерах он не пробует. Зато образы в стихах новы и ярки:

«Жаль мне ветра — птицы одинокой»... или «Кудри на ночь расчесала / Гребнем синих гор заря»... или это маленькое стихотворение, которое хочется привести полностью:

НАД МОРЕМ

Споря с утренним приливом,
Словно чуя в нем врага,
Тетивою над заливом
Натянулись берега.

Мощным луком изогнулся
Белый парус в даль метнулся
Горизонт, увитый мглой,
Окрыленную стрелой.

Но куда ж направлен смелый
И губительный полет? —
Там над морем лебедь белый —
Тучка светлая плывет.

В 1969 г. в Ливорно вышел второй сборник «Прозрачная тьма». Тогда поэт мог сказать:

«Не своими глазами читаю
И пишу не своею рукой»...

Уже будучи слепым, Сумбатов диктовал жене, Елене Николаевне, стихи и, при ее помощи собрал эту вторую книгу. Та же высокая простота и музыка не придуманных «словосочетаний» (как это модно теперь), а выразительных, звучных слов, подчиненных тонкому вкусу и чутью поэта. Та же любовь к родине: «Ты со мной неотступно всегда и везде»... И дальше:

В струях Тибра мне видятся волны Невы,
Петербургских дворцов отраженья,
В дальних звонах я благовест слышу Москвы,
Переливы церковного пенья...

В стихах мы видим покорное примирение с Божьей волей и прекрасную человеческую гордость, не всем доступную:

«Я принял жизнь, приму и смерть,
Но страха смерти не приемлю!»

К сожалению, невозможно в статье цитировать большое количество стихов, но вот еще одно:

ПАМЯТИ ПОЭТА

Вынесли гроб отлетого,
Зароют в землю потом...
Жил-был поэт — и нет его,
И вянут цветы под крестом...

Книжка стихов останется
И долго еще будет жить, —
К ней от могилы тянется
Бессмертия хрупкая нить.

Пусть же от этих нескольких, приведенных выше, стихов кн. В. А. Сумбатова протянется нить к душам читателей, что будет лучшей наградой ушедшему поэту.

Нонна Белавина.

«1812-ЫЙ ГОД».

”Славный год сей мннул, но не
пройдут содеянные в нем подвиги“.

Это — надпись на бронзовой медали с Владимирской лентой, подаренной мне отцом, прямым потомком одного из героев Бородинской битвы. Воспоминание о былой славе и о том торжественном дне 1883 г., когда при колокольном звоне и пушечной стрельбе, на Красной Площади в Москве состоялось открытие Храма Христа Спасителя, построенного на деньги русских людей в память победы над Наполеоном, когда впервые прозвучала увертюра Чайковского «1812-й год», вызывает в памяти два сильных впечатления.

Одно из них, как ни странно, относится к Аргентине. Цикл «Больших Концертов», в помещении клуба Ривер Плэт, где аргентинцы выиграли футбольный чемпионат 1978 г., открылся «театрализацией этой увертюры. Было очень торжественно, настоящие солдаты в костюмах эпохи из гардероба оперного театра, настоящие пушки, стрельба, фейерверк, пожар и под

конец, при пушечной пальбе и колокольном звоне, звуки русского гимна, а на черном бархатном небе золотыми буквами — «Чайковский». Мы стоя прослушали гимн, чувствуя, как сердца наши наполняются национальной гордостью.

Но гораздо более сильное впечатление осталось в памяти от другого исполнения увертюры, когда в «руманизированном» Кишиневе, румынскому же дирижеру, Бырка, удалось добиться снятия запрета, исполнять эту увертюру полностью, а не заменяя русский гимн румынским «Трайаска Реджеле».

Концерт был на открытом воздухе, в переполненном до отказа Городском Саду. Все напряженно, я бы сказала молитвенно, ждали.

И вот на эстраде появился молодой дирижер, взмахнул палочкой и полились торжественные, совершенно какие-то особенные звуки, отражающие и начало военных действий, и воспоминания солдата о покинутой деревне, и подготовку к бою на рассвете, и сам бой. То звучит победно Марсельеза, то ее покрывают спокойные, величественные ноты «Спаси Господи люди Твоя», и, наконец, все нарастает и нарастает пыл сражения, снова аккорды Марсельезы, но вот, неудержимо, властно и победно, все покрывают, звуки Русского Гимна.

Это было очень давно, я была еще девочкой, но никогда не забуду того, как пели буквально все, не забуду побледневшие, счастливые лица, на многих из которых были слезы, но никто не стыдился их и не пытался их осушить.

Когда музыка стихла после минутного молчания, грянули оглушительные аплодисменты и сам взволнованный эффектом концерта и видимо не ждавший такой реакции молодой дирижер молча склонил голову в ответ на овации.

Хорошо, что в жизни бывают такие моменты, это вселяет веру в людей и в возможность объединения.

Ирина Астрау.

И. А. Автомонов

«ПО ДОРОГАМ».

Цена \$ 5.00 с пересылкой

Выписывайте из Редакции.

Поездка в Цетинье и Котор.

Цетинье старый город, бывшая столица патриархальной Черногории. С ослими как перевозочное средство (конечно есть и портящие воздух автомобили), с красочными народными костюмами, с «корзо» на главной улице по вечерам, с красавцами черногорцами и черногорками, с «севдалинками» в ресторанах.

К сожалению и там это все скоро уйдет в прошлое, т. к. и там начинается строительство, начинают дымить заводы...

В Цетинье я приехал вечером автобусом из Св. Стефана, куда пароходом прибыл из Дубровника. В отеле все комнаты оказались занятыми. Последнюю комнату передо мной занял инженер из Белграда. В этой комнате оказалось две кровати и он одну уступил мне. Оказался симпатичным человеком. В благодарность я его пригласил на ужин в соседний ресторан. Был теплый вечер, сидели в саду, ели «прасе на ражню» (поросенка), пили красное терпкое вино и слушали цыганско-скрипача, который, узнав, что я русский, вспомнил весь свой русский репертуар.

В эту ночь я спал немного, — на заре меня разбудили петухи. Давно я не слышал такой петушиной переклички. Прямо как в русских деревнях, даже почувствовал себя помолодевшим!

Цетинье небольшой город (тысяч двенадцать), столицей перестала быть в 1952 г. Теперь столица Черногории перенесена в Титоград (раньше Подгорица). Я обошел все достопримечательности, их оказалось довольно много. Был в бывшем дворце последнего черногорского короля Николе, который превращен теперь в музей. По размерам это дом богатого русского помещика. Он оказался очень интересным, дающим картину героического прошлого Черногории, часто переплетающегося с прошлым России. На стенах портреты русских царей и цариц, русские иконы, грамоты русских царей, подарки царей и т. д.

Насколько Черногория жила в прошлом тем, что происходило в России, можно судить по следующему факту: во времена Екатерины, когда Пугачев поднял свой знаменитый бунт, так ее напугавший, в Черногории появился свой «Пугачев», по имени Степан Малый.

В летописи сербского монастыря Раванице под 1762 годом записано, что «Петр Третий, Император и Самодержец Все-

российский жив и находится в Сербии». Степан Малый, потом появившись в Черногории, был признан народом как Петр Третий и правил с успехом в ней в течение нескольких лет, проявив большие административные способности.

Прослышав об этом, Екатерина послала в Черногорию кн. Долгорукого узнать в чем дело. В это время Россия готовилась к войне с Турцией и ей было важно, чтобы Черногория выступила на ее стороне. Прибыв туда, Долгорукий увидел, что при сложившихся обстоятельствах лучшего союзника, чем этот Степан Малый не найти. Степан отрекся от своего самозванства, присягнув на верность Екатерине и был утвержден Долгоруким «Господарем» Черногории и пожалован русским мундиром. Впоследствии он был убит своим же слугой, подкупленным турками.

Но возвращаюсь к достопримечательностям. Из любопытства зашел в музей так называемой «Освободительной войны». Ничего интересного, все пропаганда и реклама героизма партизан и их «мудрого» вождя Тито. Но одно, что неприятно бросилось мне в глаза и чего по-моему не нужно было делать националистам Четникам (боровшихся с Тито) — это сниматься с немцами. Висят фотографии офицеров-четников пьянствующих в обнимку с немцами, четников присутствующих при повешении партизан немцами и т. д. Таких случаев я думаю было не много, но эти немногие зафиксированы и служат для подрастающих, незнающих правды, поколений, наилучшим доказательством «героизма и правоты» партизан.

Пытался найти здание, где помещался Черногорский кадетский корпус. Он был здесь открыт перед 1-ой Мировой войной, по образцу русских кадетских корпусов и конечно на русские средства. В «Уредбе» (положении) от 20-го апреля 1911 года об открытии этого корпуса говорилось, что «его задача дать юношам, преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, образование и воспитание для дальнейшего успешного продолжения его в русских военных училищах». (В Черногории своих военных училищ не было). Так как ежегодная потребность в офицерах маленькой Черногорской армии выражалась весьма скромной цифрой, то было решено выпускать окончивших корпус раз в два года по 20 человек.

Примечание:.. Может быть ктонибудь из кадет, живших в Черногории, знает дальнейшую судьбу этого корпуса. Было бы хорошо, чтобы он поделился этими сведениями с нами.

На должность «команданта» (директора корпуса) был приглашен русский полковник ген. штаба Егорьев.

В старое, дореволюционное время был в Цетинье и Женский Институт. Он тоже был создан по образцу русских институтов и содержался на русские средства. Создан он был главным образом для черногорок, но туда принимались и девочки из других славянских народностей. Я знал одну словенку, окончившую этот институт. Она там научилась прекрасно говорить по-русски. Ее родители были большие руссофилы и послали ее единственную дочь, из Любляны, тогда входившей в Австро-Венгрию, учиться за тридцать земель в тогда дикую Черногорию, что во времена Австрии было не так легко и просто и грозило большими неприятностями ее родителям. (Вообще вся эта семья достойна того, чтобы о ней когда-нибудь написать отдельно). Здание этого института я нашел, в нем помещается теперь какое-то учреждение.

Пытался попасть в церковь Цетиньского монастыря, но она оказалась закрытой. Спросил у сидящего на скамейке старика-черногорца. Получил ответ, что она открывается во время службы. Когда я заикнулся насчет туристов, он мне ответил, что их церковь для молящихся, а не для туристов, на что я не нашелся что-либо ему возразить.

В моей программе было после Цетинье побывать еще в Которе, а оттуда вернуться парохомом обратно в Дубровник. От Цетинье до Котора, думаю, километров двадцать. Автобуса подходящего не было, пришлось нанять такси.

По дороге заехали в село Негоши — вотчину черногорских князей Негошей, которые правили Черногорией до 1-ой Мировой войны. Там побывали в доме, где родился Петр Второй Петрович Негош, самый замечательный представитель этой династии; в своих руках он соединял (как у них полагалось по традиции) и светскую и духовную власть, т. е. был и правителем и в то же время и митрополитом Черногории. А кроме того был самым крупным поэтом Южных Славян 19-го века. Автор поэмы «Горский Венац», философской поэмы «Луч Микрокосма», драмы «Самозванец Степан Малый» и др. Дом Негошей оказался обыкновенной «селячкой кучей», т. е. выглядел как дом зажиточного крестьянина, с большим очагом, с висящей люлькой, в которой когда-то убаюкивали будущего знаменитого Негоша! Эта простота жизни черногорских князей говорит об их большом демократизме и близости к народу, который они возглавляли. У черногорцев до сих

пор большое уважение к своим Негошам. По дороге, разговаривая с шофером-черногорцем, я между прочим сказал, что в Цетинье я был «у дворцу Николе». Он меня сразу же строго поправил: «У дворцу нашег Краля Николе».

В том же селе зашли в «кафану». Ели какой-то замечательный сыр и очень вкусную простоквашу. У соседнего дома была привязана коза. Решил ее снять как воспоминание о Черногории. Не успел приловчиться, как из дому выскочила старуха и потребовала, чтобы я заплатил два динара (около 10 центов). Я не протестовал. Видно эта коза на фоне дома Негошей тоже является аттракцией для туристов, а для этой крестьянки статьей дохода.

Которский залив с его высокими, круто спускающимися к морю, берегами, подобно норвежским фиордам, глубоко вдается в сушу, образуя причудливой формы бухты и проливы. Он подходит почти до самых подножий Ловчена, самой высокой горы Черногории. Это одна из лучших гаваней Европы — глубокая (глубина 80-100 мет.), защищенная горами от непогоды.

На эту бухту изумительный вид с дороги, спускающейся с гор Черногории к Котору. Спуск крутой, а потому дорога все время спускается серпантинами. С каждого серпантина залив выглядит по другому, каждый раз новая захватывающая картина. На каждом серпантине я заставлял шофера останавливаться. Только из-за этой дороги стоит поехать туда.

Котор старинный город — первый раз упоминается в 9-ом веке. Узкие, подобные коридорам, средневековые улицы. С суши он защищен высокой крепостной стеной. В прошлом многие хотели владеть им, были там и греки, и римляне, и венецианцы, и французы, и австрийцы, но несмотря на все город сохранил свое славянское лицо. Здесь, как и на всем Далматинском побережье столкнулись две этнические группы (романская и славянская), две культуры, что конечно наложило на далматинцев — славян свой отпечаток. Но трагично то, что здесь столкнулись также две ветви христианства — православие и католичество, что посеяло ненависть и нетерпимость и разделило один и тот же народ на две враждующие и непримиримые группы.

В городе импозантный, с двумя колокольнями, старинный (построен в 12-ом веке) католический собор в честь св. Трифона, покровителя Котора и, построенная тоже в 12-ом веке, православная, в византийском стиле, базилика в честь Еван-

гелиста Луки с редкими, старинными, очень ценными иконами.

Которская бухта многие столетия славилась своими мореплавателями, плававшими по всем морям мира. В особенности славился Пераст, теперь небольшой поселок около Котора, когда-то важный порт, теперь мертвый город прошлого. Там когда-то была известная морская школа. Сюда Петром Великим было послано 16 молодых москвичей для изучения морского дела. Также отсюда Петром были приглашены несколько капитанов на службу в русский флот. Некоторые там выдвинулись, особенно Матвей Змеич, ставший русским адмиралом, прославившимся в борьбе со шведами.

Из Котора я выехал под вечер, на пароходе направлявшемся в Дубровник. Еще раз любовался берегами залива, теперь уже с парохода. В памяти остался (еще в заливе) маленький остров Св. Георгия. Там когда-то был Бенедектинский монастырь и кладбище которских моряков. Высокие пирамидальные кипарисы, развалины монастыря, спокойное море, вечернее освещение, какая-то романтически-грустная, необыкновенная по своей прелести, картина. В прошлом веке здесь побывал известный швейцарский художник Беклин. Как результат этой поездки осталась прославившая его картина «Остров Мертвых».

Хотел бы напомнить еще один эпизод из истории этого края, тесно связанный с историей России. Это было в 1806 году. Шла война с Наполеоном. Русская эскадра под командой Д. Н. Сенявина, одного из самых замечательных адмиралов нашего прошлого, находилась в Адриатическом море. В феврале 1806 г. Сенявин узнал, что наша союзница Австрия заключила с Наполеоном мир и Далмация ею уступлена Франции. Не ожидая инструкций из Петербурга (получить их по тем временам было не просто), он высаживает десант и занимает Которскую бухту, Дубровник и ближайшие острова, выбивши оттуда французов. Жители повсеместно восторженно встречали русских. Почти вся Черногория во главе со своим Князем Петром Первым Негошем спустилась с гор к Которскому заливу приветствовать приход русских. Население Черногории, а также Которского залива добровольно, по своему желанию, присягнуло на верность русскому государю. В черногорских церквах возносились молитвы о здравии Государя и Императора Александра Павловича. Обращаясь по этому случаю к народу, Князь Петр сказал: «Совершилось ваше желание, храбрые славяне. Вы видите посреди вас давно ожида-

емых вами по роду, вере, храбрости и славе братьев ваших. Могущественный Монарх Русский приемлет вас в число чад своих. О, да будет благословен промысел Божий. Да будет нам памятен сей радостный и счастливый день».

Так произошло теперь совсем забытое событие — присоединение Черногории и Южной Далмации к Русскому государству. Наверно отсюда и пошла у черногорцев поговорка: «Нас и руса 180 миллиона!»

Но такое положение продолжалось не долго. Через год, в 1807 г. Александр Первый заключил с Наполеоном Тильзитский мир и Сенявин получил приказание, к искреннему разочарованию населения, вернуть обратно французам присоединенные к России области, т. е. было аннулировано все, что было достигнуто адм. Сенявиным. А потом, после Венского Конгресса, несмотря на то, что Россия была главной победительницей Наполеона, к позору русской дипломатии Далмация и Котор были отданы Австрии, врагу Славянства и России.

Теперь, как память об этой странице русского прошлого, остались только могилы русских моряков у Светосавского монастыря близ Херцегнови (городок в начале Которской бухты), как напоминание о понапрасну пролитой здесь русской крови.

Борис Павлов,

«Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей»
Судьба России разбиралась
Вдали от русских рубежей.
Здесь белоруссы и балтийцы,
Кавказ, Украина, калмыки,
Лихие с Дона «казакийцы»
Россию режут на куски
Горячей лавою клокочет
Пыл политических страстей,
Шумят и спорят. Каждый хочет
Урвать кусочек пожирней.
А дальше к северу корелы,
Мордва и чудь — им надо дать
Весьма просторные уделы,
Чтоб государства создавать.

Со всех племен набравши сброду,
Кромсают карту вкривь и вкось,
И только русскому народу
В России места не нашлось.

И очутившись за границей,
В решеньях резок и удал
Сам знаменитый Солженицын
Нас выпирает за Урал.

Разбой! Грабеж! Совсем раздели
И даже пикнуть не дают;
Ведь так у нас и в самом деле
И Тверь и Тулу отберут.

И если наши диссиденты
Не бросят бредить наяву,
Найдутся скоро претенденты
И на родимую Москву.

Так что ж молчим мы, как немые,
Как будто скованные льдом?
Иль наша милая Россия
Для нас уже не отчий дом?

Иль мало нас? Иль растеряли
Мы русский дух в чужих краях,
Что до сих пор не растрепали
Ворон крикливых в пух и прах?

Эй, люди русские, не спите,
Очнитесь, тут уж не до сна
И стаю жадную пугните, —
Россия нам самим нужна!

Напрасно каркать и метаться
И ярой злобою грозить, —
Никак вам с нами не сравняться
И Русь никак не победить.

Она восстанет, как стихия,
Размечет всех своих врагов,
И будет РУССКОЮ Россия
Во век и во веки веков!

Н. Мартынова.

Кадеты в Гвардейской школе.

”Прощайте черные Шинели,
Погоны с вензелем Петра,
Ура, мы больше не кадеты,
А Южной Школы юнкера...”
Из полтавской звериады.

Черные шинели остались в России, наши погоны не носили исторического вензеля, который заменили две буквы символизирующие героический период последней жертвы Белой Идеи в Крыму и ушедшие в историю как обозначение Крымского Корпуса, и ехали мы, кадеты второго выпуска этого славного корпуса, не в Елисаветград, а в Белую Церковь в благословенной Югославии, в ряды Николаевского Кавалерийского Училища.

В первый период своего существования, основанное по приказу ген. Врангеля, в Симферополе, в последние дни защиты Крыма, училище, короткий срок носило название Елисаветградского, но вскоре было переименовано в Николаевское, и как таковое, эвакуировано в Галлиполи.

Училище, в отличие от старого училища в Петербурге, не имело казачьей сотни, а состояло из двух эскадронов, в которые были зачислены вольноопределяющиеся из кавалерийской дивизии Русской Армии, ориентируясь на их образование, на старший и младший курс. Это был первоклассный боевой элемент, убежденные носители белой идеи, желающие закончить свое военное образование для служения Родине.

Эта же идея влекла и нас, кадет двух первых выпусков, трех зарубежных корпусов, включиться в эту легендарную группу русской молодежи, в тот период не желавшей перековывать меч на орало.

Были ли мы, не потерявшие надежды на возвращение на родину с мечом и едущие в училище, правы, или были правы наши друзья избравшие не легкий путь личной подготовки к будущей гражданской деятельности на родине или вне ее, не особенно надеясь на «будущую весну». Впоследствии оказалось, что был еще и третий подход к решению личных проблем: сосдинить оба решения — окончить училище и затем университет или какую-нибудь специальную школу. Тут, кстати, следует отметить интересный факт. Начать с того, что малосведущие люди, огулом критикующие традиции училища и с ними цук, как правило считают, что «генерал школы в училище» или «генерал выпуска» в кадетских корпусах это или «второгодник», или традиционер, отсталый в науках, по-

глощенный только сохранением традиций. И вот, «генерал школы» первого выпуска из училища — Куражковский, полностью опроверг это мнение, он был блестящим портупей-юнкером, а окончив училище и избрав третий вариант решения своей судьбы, в нелегких условиях материального существования, получил диплом технического факультета Белградского университета, и был прекрасным инженером заведующим паровозным депо в Мостаре.

Но, в те дни когда мы ехали на поезде из Словении в Банат, «будущая весна» казалась реальной возможностью, и все мы, начиная с первоходника Орла-Кубанского казака из нашего корпуса, и первоходника Лошкарева, донского казака из Донского, были счастливы встать в строй с прошедшими не легкое испытание галлиполийцами сохранившими ту же надежду.

Начало незабываемого, почти фантастического, периода в жизни группы крымцев и донцов, отмечается прибытием на скромный, провинциальный вокзальчик последней станции перед румынской границей, чудесного городка Белой Церкви. Для сотен русской молодежи, этот уютный вокзал был или символом радостного прощания при отъезде на каникулы институток и кадет, или началом нового учебного года с соответственными заботами и обязанностями. Для юнкеров этот вокзал был символом начала — при вступлении в училище и конца, для третьего выпуска, не только окончания училища, но и конца самого училища и отъезда из Белой Церкви.

Но это печальное будущее никто не мог прозреть в этой радостной группе марширующей еще «вздвоенными рядами», по пехотному, в направлении казарм. Под училище отведено крайнее небольшое здание из группы казарм австрийских гусар, которые были заняты кавалерийским полком югославской армии, где шефом полка значился русский великий князь (к сожалению у меня нет уверенности, но кажется, по поразительному совпадению, это Вел. Кн. Константин Константинович).

В училище, ко дню нашего прибытия, были только юнкера 1-го выпуска, ожидающие производства, весь 2-ой выпуск находился на земляных работах в Сербии.

Происходит разбивка по эскадронам. Здесь мы первый раз видим и проникаемся благоговейным уважением, двух «Земных Богов» — вахмистров эскадронов: 1-го, тонкого будущего Лейб-Улана Хмара Борщевского, и 2-го грубоватого на

вид, но блестящего служаки, киевского гусара, Сидоренко. (В будущем инженер химии).

До прибытия юнкеров 2-го выпуска, то есть нашего старшего курса, отношение к нам юнкеров 1-го выпуска ласково-заботливое, можно сказать, отеческое, это почти естественно, принимая во внимание разницу возраста между нашими группами, тогда чуть ли не в 10 лет. Такими «взрослыми» были например, Григорович, Раховский, Фримерманн, Жадан и другие. Именно этой группе пришла идея, предложить нам, кадетам, разыграть комическую оперетту пародию на «Иванов Павел» под названием «Раховский Павел». Бесконечно жаль, что для истории не сохранились слова текста написанного Григоровичем, неуступающие по остроумию оригиналу. Конечно, все преподаватели были заменены соответствующими преподавателями военных наук с соответствующими комическими куплетами. Шпаргалку пел Алеша Роговой, наш полтавец, я пел начальника училища ген. Говорова, (кстати выбор был удачен, при моем плотном сложении и круглой голове, черные усы, и фуражка с козырьком делало меня Говоровым в молодости. (К сожалению не помню кто пел комическую фигуру Раховского, но он исполнил свою роль отлично и сам Раховский от души смеялся.

За короткий период нашего сожительства с 1-м выпуском, мы, кадеты, были приглашены сотрудничать в похоронах «Копанира» где кадеты исполняли много ролей а Роговой и я были плакальщиками сопровождавшими гроб.

«Копанир» для нас еще не начался и мы несколько раз ходили строем, под командой полковника Гейцига в чудесный Рудольфс Парк. В строю были все вместе и кадеты из Стрница, и кадеты из Сараева, тут были и генералы выпусков полтавцы, и одесситы и киевский «патриарх», и владикавказский «атаман», все принадлежали к одной касте, несмотря на разницу специфических традиций.

С производством в корнеты окончился период нашего сожительства с юнкерами 1-го выпуска, покинувшими нашу казарму, и на их место прибыли с работ юнкера (наши благородные корнеты) наш старший курс.

С их приездом наладилась нормальная жизнь военного училища почти по программе мирного времени за исключением верховой езды, которую практиковали только юнкера нашего хора трубачей на лошадях местного кавалерийского полка,

принимая участие, в конном строю, на парадах по случаю государственных праздников.

Уже в форме училища и мы, кадеты, могли выходить в отпуск и посещать семьи наших друзей местной русской колонии, главным образом служащих института или родителей воспитанниц Донского института.

Можно себе представить как действовало, даже на расстоянии, присутствие в том же городе, института, на юнкеров. Еще в Полтаве в «Звериаде» звучит игривая печаль:

Стоит отдельно институт,
Стоит отдельно наше зданье
Зачем не вместе все живут
Зачем не вместе все созданья.

Это стремление быть «вместе» вероятно обоюдное для «созданий» было возможно для юнкеров, а в будущем и кадет Крымского Корпуса, только с институтками имевшими свои семьи в городе. Счастливы пользовавшиеся этими случайными привилегиями вызывали зависть и даже почти злость и ревность не имевших возможности посещать русские семьи и только издали любовавшихся содержимым «розовых платиц» на их прогулках по каштановой аллее.

Вскоре произошло радостное событие, училище переводилось из тесноватой, типичной казармы в здание бывшего австрийского военного госпиталя с помещениями для столовой и классов, с прекрасным парком перед зданием и небольшим двором где можно было производить взводные учения и стояли гимнастические снаряды.

Все имущество училища, включая столы, скамейки, пирамиды для оружия и кровати юнкера должны были переносить сами. Это было чудесно, т. к. по пути, по окраинным улицам, был старый трактир со старой музыкальной машиной, игравшей опереты Лехара — Сильву и Принцессу Чардаша. Естественно, что каждая пара юнкеров несущая кровать или стол, делала передышку в трактире, где, на улице перед этим милым учреждением собирались тапчаны, столы, пирамиды, а их «носители» выпивали, на каждой остановке, на пути туда и обратно стакан вина и пускали в ход чудную музыку. Нужно отметить, что остановок было много!!!

В новом здании программа занятий и классовых, и строевых была полностью налажена и выполнялась. На эскадронные учения дивизион выходил в поле между старым зданием и каштановой аллеей, и по пути эскадроны состязались в пе-

нии. Запевалы 1-го эскадрона, Сидорчук и Шугаевский пожалуй были лучше запевалы 2-го эскадрона, Гайрабетова, но дело было не в баритонах и тенорах, а в исторической красоте песен 12-ой дивизии и печали несбывшегося порыва, песен Добровольческой Армии.

Волшебным событием прошла наша поездка на праздник Харьковского института в Старом Бечее. Помню солнечный день нашего «вступления» в старый городок. Не широкая улица, на ней строй русской военной молодежи, между двумя высокими зданиями и на окнах одного из них прелестные личики наших хозяек. Эти славные девочки гостеприимно пожертвовали для нашей ночевки свои матрацы и ночь после бала провели, видимо, как йоги, на голых досках.

Если при нашем отъезде в Бечей, наши Донские институтки надулись из-за нашей «измены», то они отчасти были правы. На разрешенной нам днем прогулке в парке, цвели радостью Наташа К. и юнкер Володя С. На балу, Таня В. сияла своими чудесными глазами в паре с юнкером Лялькой С., а юнкер С. что-то очень серьезно говорил Танечке К. не танцуя.

Все эти сердечные интересы ведут свое начало из Стрнища или Сараева, являясь продолжением романов между кадетами и институтками. Как ни ограничены были возможности общения с русскими колониями в лагере Стрнище, или, в отпускные дни для кадет, в Сараево, большинство кадет бывало в русских семьях, имея свой круг знакомых.

Это была еще одна причина объединявшая кадет в училище и отдалявшая эту своеобразную касту от юнкеров не кадет. Тут мы приходим к вопросу не обижаем ли мы нашим «сектантством» наших, во всех отношениях прекрасных, товарищей только потому, что они не имели счастья учиться в кадетском корпусе, и несмотря на это идеологией и другими военными качествами стоявших может быть даже выше нас кадет.

Связывала нас всех, юнкеров училища, Белая Идея и обожание нашего Вождя, ген. барона П. Н. Врангеля. Как чудесно было знать, что где-то, недалеко от Белой Церкви, в Среме, пребывает он, наша надежда, и знать, что к историческому событию, столетнему юбилею Николаевского Кавалерийского Училища, он будет с нами, примет наш парад, и поздравит нас с юбилеем.

Автор этих воспоминаний, с одной стороны опечален, что не присутствовал на встрече нашего героического вождя, но

с другой стороны не может не гордиться, что был выбран вместе с ярославцем Липиным в паре, парным часовым к квартире Главнокомандующего. Нас было 3 пары, непохожие одна на другую, но между собой юнкера схожие почти как двойники. Сам ритуал поведения и смены парных часовых это почти балет. Часовые стоящие с двух сторон от охраняемого входа, стоят лицом к лицу в положении «вольно» с обнаженной шашкой на правом плече с эфесом шашки в правой руке поддерживаемой левой, левая нога отставлена в сторону. Для отдачи чести «по ефрейторски» приставляется нога в положении «смирно», правая рука с дужки эфеса переносится на рукоятку, по второму приему шашка переносится в положение «на плечо» и по третьему выносится на согнутой в локте руке, вперед и вправо с соответственным поворотом головы. Смена парных часовых происходит без разводящего. Две пары проделывают соответствующие приемы по счету, в результате пришедшая остается в положении «вольно», а уходящая с шашкой в руке у плеча, как по команде «шагом» (марш).

Мы с Липиным стояли утром у входа в квартиру (дежурная комната) Главнокомандующего, когда он вышел, чтобы позавтракать у начальника училища и идти на парад. Закрыв за собой дверь, улыбнулся нам и поздоровался. Наш ответ мог бы звучать и громче и звучнее, если бы не наше переживание исторического момента и присутствие между нами самого легендарного Белого Вождя.

Местные жители, старые австрийцы, видевшие в Белой Церкви парады императорских австрийских гусар, говорят, что они глядя на наших юнкеров вспоминали прекрасные парады австрийской армии, но что русские юнкера были много лучше.

Вечером был бал и перед началом его меня заставили переступать. Мой сменный офицер, полк. Лебановский, приказал всем попавшимся ему на глаза юнкерам, разыскать спешно юнкера Бертеляса и доставить к нему. Я, признаться, струхнул, будучи уверен, что какая-нибудь моя проделка выяснилась и в наказание я буду удален с бала. Однако ничего странного не произошло, полк. Левандовский привел меня в распоряжение двух дам, из которых одна была моя мать, а другая баронесса Врангель. Баронесса пожелала меня видеть девятнадцатилетним, зная меня в возрасте около девятнадцати месяцев на квартире моих родителей в Пажеском Корпусе, где

временно жили ее братья пажы Иваненко (вышедшие в 5-ый Гусарский Александрийский полк).

Большая жалость, что в те далекие времена, нельзя было снять на фильм наши балы в зале «Бург», где, под хор трубачей училища или кадетский оркестр, рыцарски воспитанные кавалеры вели своих грациозных дам в полонезе или падепане по паркету зала, как их отцы и матери танцевали в дни своей молодости на Родине.

Прошло историческое событие юбилея и наша жизнь вошла в привычную колею, но с оттенком пессимизма из-за слухов о возможном закрытии училища. Однако, приближение самого радостного события в жизни каждого юнкера — дня производства в офицеры и вступления в ячейку полковой семьи побеждало печаль. С этими настроениями нас покинули наши «благородные корнеты» и мы, 3-ий выпуск, остались, к сожалению «доживать» последние дни училища. Становилось ясно, что нам не приходится мечтать о еще одной «весне», когда мы сможем с оружием в руках снова вступить на родную землю, приходилось решать как себя применить в новой жизни. Трофимов, Козьмин, Северьянов, все кадеты, не оставили нашей идеи непосредственной борьбы и погибли смертью патриотов-героев; вероятно были и другие случаи жертв в непосредственной борьбе, но имена их «Ты, Господи, веши».

Все мы, еще живые, кадеты и юнкера Николаевского Кавалерийского Училища — славной Гвардейской школы, с любовью вспоминаем дни проведенные в этой семье с одной фантической идеей Белой борьбы.

Андрей Бертельс-Меньшой
2 вып. К.К.К.

Кн. Н. В. Кудашев

Четвергов.

Вспомнилось... Ивана Лукаша
Быль о воплощеньях Четвергова.
Хороша, как слава хороша,
Правда облакаясь в слово...
Мнется под копытами трава,
Скалятся приплюснутые рожи, —
От Восхода валит татарва;
Застилая русский день погожий.
На валах, в одном из городков,

С шестопером, бердышем иль пикой,
Стал за веру сотник Четвергов
Против силы кочевой и дикой!
Натянулась туго тетива
И стрела татарская запела...
«Марфинька, была бы ты жива,
Умираю за святое дело»...

Из Москвы, пригнувшись на скаку,
Вылетел посланец Гермогена...
Весело и любо седоку.
Ключьями с коня слетает пена.
«Проскочить бы только меж врагов,
Грамоту отдать кому велели»...
Будет жив, заедет Четвергов
Марфиньку проведать у качели...
Но с улыбкой тонкой на устах
Пороху на полку подсылая,
Из мушкета приложился лях...
«Марфинька! За веру умираю»...

Воет ветер... Снег да ледники!
На плечах колышутся лафеты, —
В Сен-Готард Суворова полки
Двигутся сегодня от рассвета.
Между вьюков, пушек и штыков,
С кручи поднимается на кручи
Армии поручик Четвергов
Рвет конверт, что давеча получен...
Марфинька с похода ждет домой
На привале отписать ей надо!
— Наклонилась... тянет за собой
Обрываясь в пропасть коронада...
Третья Плевна... Бешеный Осман
Таборы бросает на редуты...
Смуглых, сухощавых египтян,
Диких курдов, лютых арнаутов...
Гвардии Султана бьют поход.
Янычар заколыхалось знамя...
Четвергов команду подает, —
Гренадеры щелкнули курками...
Закурился залпами редут...
Падают... Врываются аскеры
«Марфинька! Моя могила тут, —
Умираю за Царя, за Веру!»!

По Кубани «Ледяной Поход»,
Флаг трехцветный развернулся снова
Между стройных офицерских рот
Скромная фигура Четвергова...
Обгорела у костра пола,
Пулями простреляной шинели...
От любимой весточка пришла
Через фронты в стужу и метели.
В Галлиполи есть «Долина Роз»...
На усопшем простыней покрыли
Ветхое письмо и прядь волос —
Горечь Четверговской были...

Русский Корпус. На Балканах вновь
Четвергов шагает перед строем.
Хмурится наступленная бровь,
Свежий крест над каждою верстою...
У костра, при свете зимних звезд,
В отблесках ракеты и разрыва,
На туманный номерной «Фелд-пост»
Марфиньке писалось торопливо:
«Назначенье срочное в Р.О.А.
По пути на день-другой заеду»...
— Платлинга зловещая молва,
Быль, не уступающая бреду...

Так погиб и этот Четвергов,
Жертвенностью подвиг облакая,
Как и те — в течение веков
За величье и свободу края!
На роду так видно суждено, —
Ореол венца посмертной славы...
Было так в полях Бородино,
У Гуниба, около Полтавы...
Четвергова знает Куненсдорф,
Кровь и дым Малахова Кургана,
У болот Мазурских зыбкий торф,
Под Мукденом шорох гаоляна...

Хороша, как правда хороша
Слава облакаясь в слово, —
Русская бессмертная душа
В смертной оболочке Четвергова...

Помните чье имя носите.

Хочу поделиться с однокашниками примером из собственной жизни, который воочию подтвердил мне о том глубоком восприятии этого девиза в русской дореволюционной среде военнослужащих.

То, что каждый русский военный чтит нашу военную старину, ее историю и связанные с ней традиции и формы не является никакой «игрой в солдатики», как любят употреблять это крылатое выражение злопыхатели и ненавистники военной среды.

В их понятиях никак не укладываются такие простые истины, как первая из них, что ЛЮБОВЬ к военному и нашей старине воспринималась в военных семьях еще с детских лет, с молоком матери сперва, может быть неясно. Но с поступлением в Кадетские Корпуса или же в Военные училища эта любовь особенно глубоко воспринималась детьми и юношами, ибо в ней был вложен глубокий смысл любви к самой родине, а их призвание в жизни зиждилось на делах обороны отечества от врагов внутренних и внешних и защиты ее границ...

И не даром Царственный Поэт В. К. Константин Константинович подчеркивал это в своем стихотворном посвящении КАДЕТУ и наставлял его «ГОРДИТЬСЯ» тем, что он уже с малых лет принадлежал душой к военной среде.

ПОМНИТЕ ЧЬЕ ИМЯ НОСИТЕ!

Это девиз и нашего Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса. И смысл его для нас сугубо глубок:

Помни, что Ты Русский и не забывай, что как кадет ты с ранних лет приобщен «к родству с Великой Воинской Средой». — ПОМНИ!

И так перехожу к его величеству случаю. Случаю когда, как говорится «карты мои были биты» и когда, казалось бы уже в наступившем безвыходном положении на моем пути появился человек ПОМНИВШИИ ЧЬЕ ИМЯ НОСИТ.

1952 год подходил к концу. Потом наступил и 1953 также ничего не обещающий в перемене судьбы моей семьи и меня и все мы еще без всякого просвета на будущее ютились за одеяльными загородками огромного каретного сарая в Сан Саббо, предместьи оккупированного союзниками города Триеста на Адриатическом побережье.

Наш огромный каретный сарай был пристанищем беженцев

и политических эмигрантов из восточных стран Европы, гл. образом, из соседней с Италией Югославии.

Он представлял типично Ковчег Ноя, в котором вместо четвероногих были размещены чистые и нечистые двуногие.

Были тут и турки резавшие в свое время Армян и Армяне спасавшие свои голые жизни от турок; Греки или сами состоявшие в коммунистических партизанских отрядах или же Греки, но бежавшие и спасавшие свои жизни от партизан; Поляки вывезенные насильно в Германию и опустошенные и гонимые разными СС штурм батальонами, а некоторые из них даже побывавшие «пациентами» и чудом выжившие в небезвестном кровавом лагере Майданеке и те же Эсэсовцы с вытатуированными знаками принадлежности к ЭсЭс командам, а теперь прикинувшиеся поляками-антикоммунистами не желающими возвращаться (по официальным бумагам) из-за коммунизма на родину, а в действительности из-за боязни понести заслуженное наказание. Были в этом лагере и Югославы: Сербы-четники и Сербы-Летичевцы не терпевшие друг-друга исключительно по политическим соображениям, были здесь и Хорваты набедокурившие в свое время и теперь скрывающие свои следы... Были Венгры, Румыны, Цыганы и представители восточных и северных славян, Украинцы (с Захидне Украины), аккредитовавшиеся как «Белоруссы» или как «Казаки» (самостийники) и наконец сами Русские как «Белые», так и «побелевшие», но все еще с подозрением присматривающиеся к соотечественникам из ПЕРВОЙ эмиграции.

Как ни странно, но помимо описанных представителей разных наций есть еще и одна настоящая француженка и одна дама бывшая замужем за черногорцем, рожденная в Брюсселе в чистейшей бельгийской семье, чья мать умерла во время родов, а вскоре за ней последовал и отец и малютку приютила какая-то русская семья, едва и сама сводившая край с краем. Но девочка пользовалась не только приютом в этом доме, но даже и материнской и отеческой любовью ее приемных родителей, которых уже, к ее несчастью не было в живых... Теперь, т. е. в то время, ей надо было доказывать место своего рождения и ее происхождение от настоящих родителей...

В общем же как я уже сказал это была настоящая кунсткамера или, если хотите, калейдоскоп из разных национальностей, политических разногласий, признаков всевозможных культур и «безкультурья» и конечно степени образования.

Во время приезда комиссий, главным образом из земель Англо-Саксонской культуры (представители других культур нами, как видно не интересовались и своего носа в Сан Саббо не показывали), представителей, которых для пущей важности именовали КОНЗУЛАМИ (хотя это не отвечало нашим понятиям о дипломатических представителях), все описанное мною выше было для них счастливой находкой, а со стороны — чуточку напоминало торги рабов...

Каждый из представителей своего государства делал подбор по каким-то собственным соображениям. Одни из них обращали внимание на года «экзаменуемого», на многочисленность семьи и возраст детей, как доказательство способности к физическому труду требовали необходимые мозоли... А другие, правда редкие — и на воспитание и манеры...

Помню, что один карпаторос профессиональный землероб-крестьянин, среднего возраста, здоровяк и по всем остальным данным вполне подходящий к условиям приема на работу — не то в Канаде, не то в Новой Зеландии, не был принят исключительно по причине несоответствующего, по мнению «конзула» воспитания.

Вернее сказать у нашего Карпаторосса его вообще и не было да и не могло быть в связи с его происхождением и пребыванием в каком-то таком забытом медвежьем уголке, которому сам Господь пожелал «спокойной ночи» (по сербской поговорке) и где километров за 50 не было никаких школ. А у самого «КОНЗУЛА» было особенно чутко развито отношение к дамам. А наш крестьянин не догадался сперва подвинуть стул своей миссис или леди и подождать пока эта дама усядется первой и только после этого уже самому расположиться на стуле...

Но это все о посторонних, а я хочу поведать о себе.

Уже прошло 2 года моего (и моей семьи) сидения в лагере и передо мною не было еще ни одной открывшейся возможности для дальнейшего иммигрирования в любую страну из милости открывшую двери своей страны или нуждающуюся в рабочей силе...

Обыкновенно вечной помехой было у меня то, что даже и под увеличительным стеклом не было возможности найти следы от мозолей на моих «рабочих» руках, хотя я уверял каждого «конзула» в принадлежности к пролетариату зарабатывающему хлеб физическим трудом.

Положение просто становилось пиковым. Особенно тяже-

лым было сознание, что такая безнадежность может отразиться на будущности моих детей...

И вдруг совсем неожиданно произошло ЧУДО.

Президент Труман руководясь какими-то соображениями, а может быть заговорила совесть в связи с еще совсем недавними выдачами ОСТОВ на растерзание их злейшему врагу коммунизму, провел новый закон под названием «З СИ», который открывал мне возможность для въезда в С.Ш.А.

Этим законом давались привилегии «перемещенным лицам» на бесквотный въезд в Америку. По этому закону оказалось, что мой плен в Германии давал мне право на пользование имени «перемещенного лица» и в связи с этим и пользование всеми принадлежащими такому лицу льготами.

Нужно было иметь доказательства о пребывании во время войны на территории впоследствии попавшей под влияние Советов, политической благонадежности и ЗДОРОВЬЯ.

Первое условие я выполнил блестяще, получив из картотеки Международного Красного Креста доказательства, что лагерь военнопленных был на территории оккупированной Советами, второе также было выполнено проверкой еще два года тому назад. Оставалось только ЗДОРОВЬЕ.

Тут-то и произошла заковыка: рентгеновские снимки моих легких, особенно для начинающих докторов ничего утешительного не представляли. 3 воспаления легких (последнее уже в плену) оставили на них тени и какие-то зарубцовки, которые для молодого американского военного врача были подозрительны. И вот после первого моего медицинского осмотра при Американском Консульстве в Генуе, куда я и был вызван с членами моей семьи, доктор с большим подозрением отнесся к полученным снимкам легких. Тк-кк в его распоряжении не имелось такого аппарата, который мог бы произвести глубокий снимок это задание было поручено Комендатуре лагеря в Сан Саббо.

В продолжение целого 1953 года мне несколько раз пришлось ездить в Геную на разные проверки и в конце концов доктор не пожелавший вынести собственное решение по этому вопросу сообщил мне, что все мои снимки, всю мою картотеку он перешлет во Францию, где находился Американский Медицинский Центр для всей западной Европы и их решение по моему вопросу будет окончательным и решающим...

Уже наступила и ранняя осень 1954 года (а право въезда

по закону «3 СИ» прекращалось 1-го января 1955 г., а никакого решения из Генуи не поступало.

Наконец пришло сообщение из Консульства с требованием моей явки к определенному числу.

Поехал я туда с неподдельным страхом и может быть с еще более тяжелыми переживаниями осталась моя семья в Триесте. Ведь, фактически это был последний шанс. Последняя надежда.

Ранним утром много раньше приемных часов в Консульстве я шагаю непосредственно вблизи здания Консульства и этим привожу в смущение расхаживающего по другую сторону улицы карабинера охраняющего это здание... Но вот переходя улицу, к зданию приближается какое-то штатское лицо, причем полицейский видимо его знает, ибо козыряет ему... «Лицо» приближается ко мне и уже издали с любопытством осматривает меня. А меня это злит, чувствую, что нервничаю. Но вот незнакомец совсем подле меня и не спускает взгляда с лацкана моего костюма... «Совсем как баран на новые ворота» проносится молнией в голове мысль... А незнакомец налюбовавшись вволю моим лацканом теперь переводит свой взгляд на меня и на чистом русском языке обращается ко мне: «Вы Русский, ОФИЦЕР?»... И только с этим последним словом теперь уже я сам обращаю взгляд на собственный лацкан, на котором пристегнут миниатюрный золотой офицерский погончик 10 пехотного Югосл. полка, моего полка, с которым я и вышел в такую неудачную для Югославии войну.

«Вы РУССКИЙ?» Другими словами, это ли мое настоящее ИМЯ, которое я ношу в себе... И опять вторично мое имя: «Вы офицер?»

На мой утвердительный ответ он протягивает мне свою руку представляясь Капитаном 18-го Вологодского Пехотного Полка Короля Румынского Фердинанда, полковником Американской службы и теперь служащим при местном Консульстве США А.А. Ступенковым.

«Чем могу Вам помочь?»

Нужно ли описывать наставшие хлопоты, хождения самого А. А. Ступенкова из дверей в другие двери, телефонные разговоры с Парижем и т. п....

Но в этот же день, вечером, возвращаясь в Триест и сидя уже в поезде я был уверен, что ЧУДО совершилось и что до истечения срока закона я и моя семья будем ходить по земле Нового Света...

И я не ошибся, за какой-то месяц, самое большое полтора от описанной встречи с А. А. Ступенковым мы уже были в США, перед этим еще раз побывав в Генуе, но уже всей семьей.

Могу уверить читателя, что мой спаситель ничего предосудительного или противозаконного не сделал. Его помощь выразилась в сердечном отношении к своему соотечественнику, к тому же как и он военному. Его разговор по телефону дал неожиданный и благополучный результат.

Я с благодарностью вспоминаю этого Американского полковника и армейского русского капитана, который глубоко в себе носил русское имя, которое было для него НЕЗАБЫВАЕ-МЫМ.

Алексей Мальчевский.

Незабываемые встречи.

1920-ый год. Лето. Крым. Город Симферополь. Я лежал в госпитале в офицерской палате для выздоравливающих. Помещен я был в эту палату на поправку после перенесенных девяти приступов возвратного тифа и скарлатины. Мои сопалатники были все молодые офицеры и некоторые из них бывшие кадеты. Относились ко мне как старшие товарищи и были исключительно внимательны. Медицинский персонал проявлял тоже заботливость ко всем. Молодая женщина врач, лечившая меня за все время моей болезни, продолжала навещать меня и следила за ходом восстановления моего здоровья и, несмотря на то, что я был на усиленном питании, часто подкармливала меня, принося что-нибудь из дому. Молодость брала свое и силы мои быстро восстанавливались и я стал мечтать о возвращении в мой полк.

Наш госпиталь часто посещали какие-то высокопоставленные лица, русские и иностранцы. Мы привыкли к этим посещениям и не обращали на них внимания. Наша жизнь в госпитале протекала по установленному расписанию и день ото дня ничем не отличался. Иногда мы получали скудные сведения о происшествиях за стенами нашего госпиталя.

Но в один из обычных летних дней, администрация госпиталя получила извещение, что генерал Врангель прибыл в Симферополь и посещает госпиталь. Посетит и наш госпиталь.

Был указан день, но точный час не был назначен. Поднялась страшная суматоха, стали убирать палаты, перестилать постели, менять белье больным... в общем готовились к прибытию Главнокомандующего.

Настал день приезда генерала Врангеля. Из окна нашей палаты можно было видеть, что происходило на улице у главного подъезда и мы с утра поочередно сидели у окна, чтобы не пропустить момента приезда генерала.

В послеобеденное время, к главному входу подъехали военные автомобили. Из головного автомобиля вышел генерал Врангель и, в сопровождении своей свиты, направился в госпиталь. При входе встретили его главный врач и медицинский персонал.

Генерал Врангель и его свита в сопровождении главного врача и его помощника, осматривая госпиталь, заходили в каждую палату. Кто мог, вставал с кроватей. Встал и я. Генерал подходил к каждому, здоровался и обменивался короткими фразами. Генерал, обратившись к главному врачу, спросил:

«А кто здесь в палате самый молодой?»

Старший врач указал в мою сторону. Генерал направился ко мне. Подойдя, поздоровался со мною, назвав меня по фамилии (в изголовии койки была таблица с моей фамилией), справился о моем здоровье и спросил какой я части.

«Ударник Первого Корниловского Ударного полка, Ваше Высокопревосходительство» — ответил я.

Генерал пристально посмотрел на меня.

«Кадет?» — спросил он.

«Так точно, кадет Воронежского Великого Князя Михаила Павловича кадетского корпуса».

«В каком классе?» — продолжал генерал свой опрос.

«Был в пятом, Ваше Высокопревосходительство».

Генерал обратился к главному врачу и сказал ему, чтобы меня по выздоровлении и выписке из госпиталя отправили в кадетский корпус.

Я просил генерала о разрешении вернуться мне в мой полк, на что получил лаконический ответ:

«Мне нужны офицеры, а не ударники» и обратившись к главному врачу, продолжил: «По выздоровлению отправить в кадетский корпус для продолжения образования, а полк известить о моем распоряжении».

Генерал поблагодарил меня за службу в полку, пожелал скорейшего выздоровления и, попрощавшись, продолжил обход палаты.

«Покорно благодарю! Счастливо оставаться Ваше Высокопревосходительство» — ответил я вслед уходящему генералу.

Обойдя остальных офицеров, генерал и сопровождающие покинули палату.

Встреча моя с Главнокомандующим Русской Армией запечателась в памяти на всю мою жизнь. Я как сейчас вижу высокую, статную фигуру в черной черкесске генерала Врангеля, разговаривавшего со мною, ударником и кадетом пятого класса.

Пребывание мое в госпитале подходило к концу. С каждым днем я чувствовал себя все лучше и лучше. Силы быстро возвращались и я настолько окреп, что врач назначил меня на главный медицинский осмотр для выписки из госпиталя.

После осмотра я получил отпускной билет и направление во Второй Донской кадет. корпус, находившийся в Симферополе.

Осенью Русская Армия принуждена была оставить Крым. Кадетский корпус был эвакуирован в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (ныне Югославия).

Уходили года пребывания в братской стране Королевства Югославии.

В 1924-ом году я окончил Донской Императора Александра Третьего кадетский корпус в Билече и из этого, забытого Богом и людьми, местечка в горах Герцеговины, перебрался в Белград и поступил в Университет. Жил в Студенческом общежитии на Прокопачкой улице на окраине города. Состав обитателей нашего общежития был исключительным: бывшие кадеты и офицеры всех родов оружия и в различных чинах от корнета, поручика и до полковника включительно. За небольшим исключением, все были участниками гражданской войны.

Когда же генерал Врангель прибыл в Белград и, посещая различные русские организации, узнав о существовании нашего Студенческого Общежития и о составе его обитателей, изъявил желание посетить и ознакомиться с жизнью студентов. Был назначен день и час его посещения.

Мне представилась опять возможность встречи с генералом Врангелем, но теперь уже не в качестве ударника Корниловца, а студента и не на родной Русской Земле, а на чуж-

бине. Я был счастлив снова увидеть своего Главнокомандующего.

Примитивная обстановка студенческого общежития, совершенно не подходила к приему знатного гостя, но приходилось мириться с этим положением. Ни средств, ни времени не было, чтобы придать этому исключительному посещению соответствующую торжественность. Все же, чтобы как-то создать иллюзию торжественной встречи генерала, решено было нанять оркестр. За недостатком средств пришлось нанять цыганский оркестр и разучить с ним русские марши. Во избежание конфуза, решено было оркестр спрятать в кустах садика около калитки.

В назначенный день, к часу прибытия генерала, обитатели общежития выстроились вдоль дорожки, ведущей от калитки к главному входу в здание. На улице у калитки староста полковник Валуев и его помощник ротмистр Тулубьев ожидали приезда. Вскоре прибыл на автомобиле генерал. Выйдя из автомобиля, генерал с адъютантом направились к калитке. Оркестр заиграл встречный марш. Староста с помощником встретили его. Приняв рапорт от старосты, генерал поздоровался с нами и изъявил желание познакомиться с условиями нашей жизни. Все направился в помещение. Генерал в сопровождении старосты пошел осматривать наши комнаты, а мы собрались в «училке». После осмотра генерал задержался в «училке» и, беседуя с нами, расспрашивал о нашей жизни студентов-беженцев. По окончании беседы, староста поблагодарил генерала за оказанное нам внимание. Генерал, пожелав нам успеха в жизни, попрощался, а все мы, воодушевленные его посещением, с громким «УРА» под звуки оркестра, проводили своего Главнокомандующего к автомобилю.

Последнее приветствие генерала и автомобиль скрылся за поворотом улицы. И никто из нас тогда не думал, что эта встреча была последней.

1929-ый год, 6-ое октября день траура у русской бслой эмиграции. В Белград на вокзал прибыл из Бельгии прах Главнокомандующего Русской Армии генерал-лейтенанта Петра Николаевича барона ВРАНГЕЛЯ. Исполнилась последняя воля Главнокомандующего быть похороненным в братской стране Югославии, в городе Белграде, в русской церкви Св. Троицы, под сенью знамен славных полков Российской Империи.

Пришли русские люди Белграда и прибывшие из провинции на вокзальную площадь встретить и проводить своего любимого Вождя к месту вечного упокоения.

Братское Королевство оказало доблестному русскому генералу достойные воинские почести, в отдании которых приняли участие — представитель Его Величества Короля Александра, сербский генералитет, возглавляемый военным министром и начальником генерального штаба, части Королевской армии всех родов оружия и соратники Главнокомандующего в форме и при оружии.

У Королевского подъезда вокзала ожидал лафет. Венки Его Величества Короля Александра держали два гвардейца в полной парадной форме и были многочисленные венки от различных русских и сербских организаций.

Под звуки траурного марша, старшие соратники вынесли гроб, установили на лафет. Караул был из русских в военной форме и сербских гвардейцев.

Медленно, печально-торжественно двинулось величественное траурное шествие к русской церкви и присоединились все, бывшие на вокзальной площади. На всем пути следования, тротуары были заполнены горожанами столицы, пришедшими принять участие в проводах русского Главнокомандующего.

По прибытии к церкви, гроб был снят с лафета и внесен в храм, а Королевские воинские части, соратники в военной форме и кадеты русских кадетских корпусов с оркестрами были выстроены около церкви.

Заупокойную литию служило многочисленное русское и сербское духовенство, возглавляемое святейшим патриархом сербским и митрополитом Антонием. После Божественной службы гроб с прахом генерала Врангеля водружен был в мраморную гробницу в притворе храма.

Прозвучал последний залп.

Проводила и простилась белая русская эмиграция с своим любимым, доблестным ВОЖДЕМ.

Так закончил свой земной путь ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ Земли Русской и память о нем будет сохранена во веки веков!

И по сей день у МРАМОРНОЙ ГРОБНИЦЫ в русской церкви Св. Троицы в Белграде русские, почитающие память ЕГО, ставят свежие цветы.

В. С. Данилов.

«Дела давно минувших дней...»

У меня в руках фотографическая карточка: 7 юношей в кадетской форме славного Крымского корпуса. Это редакция журнала «Лодырь». Больше чем полстолетия отделяет нас от того времени. Многих, кто снят на фотографии, нет уже в живых. Другие находятся уже на ниспадающей части жизненной траектории. Нет в живых и того мудрого педагога, который имел ответственную задачу, вывести на правильную жизненную дорогу этих, и сотни других русских юношей и детей, выброшенных ураганом революции на чужбину; того, кто своей рукой сделал на фотографии пометку: «Сей возраст жалости не знает».

Речь идет о покойном директоре Крымского кад. корпуса ген. лейтенанте В. В. Римском-Корсакове, в кадетском обиходе — «Деде», «Дедушке», память о котором сохранилась навсегда в сердцах благодарных ему питомцев-Крымцев.

Крымский Кад. Корпус. 1924/25 учебный год. 5-й вып.

Редакция журнала «Лодырь».

Стоят с лева направо: В.у.о. Никифор Андреев, над. Алексей Нагоров, В.у.о. Александр Майоров.

Сидят с лева направо: В.у.о. Владимир Кузнецов, кадеты Борис Ходолей, Сергей Якимович (редактор, «Маэстро») и В.у.о. Н. Тищенко-«Слон» (нариатурист). Анонимно сотрудничали в журнале: норнет Кн. Н. В. Кудашев и кадет Н. Февр, ставший потом известным журналистом.

—

Сентябрь 1924 года. Занятия в корпусе уже начались. Вечером, сидя на подоконнике я делюсь впечатлениями с друзьями о необычайно проведенных каникулах: мы, группой в 60 человек и с тремя воспитателями, работали в Кральево (Югославия) на прокладке шоссейной дороги из Кральево в Рашку. (Описано Ольденборгером в «Переключке» № 3). Зарабатывали деньги на свои «мелкие расходы».

Комические сценки, о которых рассказываем я, Глеб Щербович и Никифор Андреев, вызывают иногда взрывы смеха. У «Рака» появляется мысль поместить эти рассказы в какой-нибудь журнал, но «Слон» возражает, что кроме политических газет, в эмиграции нет ничего и помещать негде. Подошла пора укладки и мы разошлись по своим спальням. В спальне подошел ко мне Шура Майоров, наш поэт. «Слушай, Маэстро, (это с недавних пор мое прозвище) «почему бы нам не выпускать свой собственный журнал? Матерьялов для него — хоть отбавляй, сотрудники найдутся, и типография есть — шапирограф в карцере, на котором печатают увольнительные записки». Эта идея, воодушевляет меня настолько, что уже на следующий день, на утренних занятиях, была образована редакция. Долго спорили о названии журнала, но согласились, что самое подходящее название — «Лодырь». «Вероятно это соответствовало настроением, распространенным в начале учебного года. Хотя в составе редакции было 4 «нашивочника». Пишущий эти строки этой чести не удостоился благодаря «громкому поведению».

Как-то, само собой вышло, что редактором единогласно признали меня. Что же касается помещения редакции, то и тут споров не было — в карцере. Там — шапирограф, а кроме того, послужной список редактора довольно ясно и недвусмысленно показывал, что это полезное учреждение было для него вторым «отчим домом».

Первый номер журнала был издан «на средства редакции», или, другими словами, пострадала бумага, выданная для сшивания тетрадей. Отпечатано было 20 экземпляров. На большее не хватило бумаги. Распределили между собой в 8 классе, а один экземпляр был преподнесен «меценату» журнала полк. графу Д. Ф. Гейдену, пожертвовавшему 20 листов бумаги и 10 динар на канцелярские расходы.

Обложку журнала художественно исполнил «Слон» (Н. Тищенко). Он же и иллюстрировал его. На обложке, в левом

углу была нарисована паутина и паук по ней спускался на парту, за которой крепко спал кадет, подложивши под голову книгу. Над головой кадета было написано: «Науки юношей питают...». Журнал содержал 8 страниц, на которых было: 1. Передовая статья — обращение редакции к будущим подписчикам. 2. «Знатные гости в редакции «Лодыря» — репортаж с карикатурами на преподавателей дававших уроки в день основания журнала. 3. «Путешествие на луну» — поэма, которая печаталась во всех последующих номерах. 4. Фельетон. 5. Периодический роман на злобу дня из кадетской жизни: «Любовь не картошка, или приключения Пьера Долгоносикова». 6. Отдел хроники и объявлений. Первый номер журнала имел такой успех, что редакция решила поставить дело «на широкую ногу» и объявила условия подписки: 5 листов бумаги, 1 динар на расходы по печатанью и 2 папиросы «Сава» для сотрудников. Второй номер имел тираж 60 экземпляров, т. е. максимальное количество, которое мы могли приготовить на скверном шапирографе. Приходилось отказывать подписчикам. Журнал попадал и в Белград, а один номер доехал даже до Парижа. Журнал выходил по субботам и просуществовал до рокового 13 номера.

Первый номер журнала попал каким-то образом в руки директора. На одном из ближайших уроков он пришел к нам в класс и сел на свободное место возле меня. Следя за уроком, я все же заметил, что «Дед» запустил руку ко мне в парту. Уходя из класса, после окончания урока, он вставая сказал мне: «Только не пиши в своем журнале, что и я подписался на него». Я сперва не понял в чем дело, но потом, когда обнаружил в парте десяток папирос, оставленных «Дедом», сообразил. Конечно, в следующем номере появилась заметка о том, что «самоотверженная работа редактора, получила признание в высших сферах», ибо у нас появилась уверенность в том, что журнал, хотя и не официально, получил право на существование.

С точки зрения военной дисциплины и школьного порядка вообще, и с точки зрения педантов педагогов, такое явление было недопустимым. В Югославии в то время было три русских кадетских корпуса. Я уверен, что в двух из них, это дело приняло бы совсем другой оборот. Там директора приказали бы произвести самое строгое расследование и все виновники, в лучшем случае, попали бы «на дачу» (в карцер), а может

быть были бы уволены из корпуса.

«Дед» понимал, что мы живем и воспитываемся в необычных условиях и что очень маленький процент кадет пойдет по военной дороге, а большинство уйдет в обыденную, «штатскую» жизнь; что молодежь, это часто самые верные, хотя и жестокие, критики; и, наконец, он не хотел задушить то, что могло из шутки, после окончания корпуса вырасти и дать серьезные результаты. И действительно, многие из сотрудников и после часто брали перо в руку, подвизаясь на литературной или журналистической ниве, а Н. Тищенко-«Слон» стал впоследствии самым известным карикатуристом большой Югославской прессы и получал много наград на конкурсах.

Октябрьская революция и гражданская война выбросила многих кадет буквально на улицу. Достаточно прочесть книгу Б. Павлова: «Первые 14 лет», чтобы познакомиться с условиями, в которых дети и юноши росли и воспитывались в то время, пока не попадали опять в корпус. Это привело к тому, что в корпусе появился «жаргон», от которого у многих непосвященных волосы вставали дыбом. Такие выражения, как напр.: «шпана», «народ», «шамать», «рубать», не говоря уже о многих нецензурных, получили не только права гражданства, но ими многие щеголяли, считая это лихостью. Самое страшное было в том, что эти выражения передавались из поколения в поколение. «Дед», знавший все наши, не совсем «салонные» выражения, советовал мне высмеивать это в журнале. «Авось кого-нибудь проймет», говорил он мне. В романе: «Любовь не картошка» Пьер Долгоносиков, старящийся быть воспитанным мальчиком, размышляет о грубости нравов кадет. Но в это время в спальню влетает сломя голову кто-то из кадет и кричит: «навались шпана, наши Сербуков кроют». Тут уж и деликатное сердце Пьера не могло выдержать и он «помчался в битву».

Один эпизод связанный с журналом. Из-за недостатка помещений, комнату дежурного офицера решено было поместить в крайнем отделении карцера. Отсюда окно с решеткой выходило в коридор, за что он назывался «офицерским» и в нем отсиживались самые старшие из арестованных кадет. Кто-то из кадет слышал, как против этого протестовал пол-

ковник Руссян, предвидя, что «Лодырь» не упустит случай, использовать это событие для насмешек. В очередном номере действительно появилась карикатура: «Прежде — и теперь». Содержание таково: прежде у окна карцера стоит подбоченившийся полк. Чудинов, а за решеткой окна виден пригорюнившийся арестованный кадет; теперь — за решеткой видна верно изображенная, разумеется в карикатуре, фигура полк. Черделели, грустная и унылая, а под окном, в облаках табачного дыма, два веселых кадета. В одном из них, не трудно было узнать редактора «Лодыря».

В журнале появились статейки и карикатуры, критиковавшие иногда персонал корпуса и порядки, но никогда это не переходило границ близких к оскорблению. Но больше всего изощрялись над кадетами. Кроме романа «Любовь не картошка» с третьего номера журнала начала выходить пьеса в стихах, коллективная работа Майорова, Тищенко и моя. Называлась она «Горе от письма». В ней, кадет на вопрос отца институтки Фамусова: «Что, корпус надоел вам, что ли?» «Да в нынешнем году ей-ей, я праздную десятилетний юбилей. В пятнадцатом году мы поступили с братом. Сидел он во втором, а я в шестом и пятом». Воспитатель Скалозуб жалуется на кадет Фамусову... возьмите хоть в ежовы рукавицы, так ни одной страницы нарочно черти не прочтут. Сидят да расппевают песни! Учиться, не хотят, хоть тресни! Ведь все гусары, в ус не дуют! а о науках как толкуют». Но когда Фамусов заикнулся о том, что в Сараево в корпусе не то, «локальный патриотизм Скалозуба взбунтовался». А в Крымском корпусе, когда отстали, в чем? Все так прилажено, и тальи все так узки. Кадет не мало вам начтем, что даже пишут правильно по русски. И вообще: от головы до пяток, на Крымцах всех лежит особый отпечаток».

Помню такую карикатуру: строй четвертой роты обходит командир роты полк. Кн. Шаховской, имевший привычку говорить с кадетами «по секрету», но так, что было слышно во всем громадном здании. Такой разговор обычно заканчивался фразой, сказанной громоподобным голосом: «я тебе мер-р-р-завец голову сор-р-р-ву!» Половина роты, изображенная на

карикатуре, стояла уже без голов и «Шах» протягивал руки к голове очередного кадета.

Помню до сих пор начало стихотворения, выражавшего, хотя и в шутливой форме, кадетскую любовь к своему «Деду».

«Спи кадет восьмого класса, баюшки-баю.
Нахватал колов ты массу, на беду свою.
Злой «Носач» колы все ставит в классный свой журнал,
Но не бойся, все поправит «Дед» наш-генерал.
Скоро грозная матура на беду придет,
Но кадетскую натуру «Дедушка» поймет.
Он поймет, что невозможно целый год зубрить.
Спи кадетик безмятежно — «Дедушка» не спит. И т. д.

При первой же встрече в коридоре, «Дед» с усмешкой характерной для него сказал: «Ты бы «Маэстро» не так уж откровенно писал, не то, мне может влететь». И «влетало» ему. Не из-за стихов и не из-за «Лодыря», а из-за злобы людской, из-за интриг лиц не умевших понять всей возвышенности и тяжести долга возложенного на него. Влетело за то, что, как он сказал в прошлом письме «к своим дорогим внучатам» он не был человеком «ежовых рукавиц». А разве он мог быть таким? Он, которого Вел. Кн. Константин Константинович лично выбрал в свое время на пост директора корпуса и считал блестящим педагогом. Деда сменили. Его наследник, приехавший принимать корпус с известным предубеждением, был приятно поражен, найдя корпус в отличном состоянии. «Внучата» не осрамили своего «Деда». Но, с переменой «власти», в корпусе, естественно наступили перемены и другие порядки. «Лодырь» должен был прекратить свое существование. Об этом просил «Дед». 13 номер, уже бывший в наборе, жаль было уничтожать и он вышел совсем уж «подпольно». На обложке, вместо спящего за партой кадета, изображены были похороны «Лодыря»: кадеты несут гроб, редактор, горестно заломив руки — рыдает; за гробом идет осиротевшая семья-сотрудники. Редакция решила увековечить «Лодыря», т. е. на остаток «редакционных сумм» — сфотографироваться. На устройство поминок денег не хватило. Снимались у известного всем Крымцам «Факира». Сотрудники настояли, чтобы редактор «для большей серьезности» надел «пенсне», которое одолжил полк. граф Гейден. Карточка была поднесена «Деду». Через 35 лет, в 1959 году, обойдя почти весь свет, она попала ко мне. На ней, рукой мудрого педагога, написаны мудрые

слова: «Сей возраст — жалости не знает». Но, покидая корпус, «Дед» мог убедиться и в том, что сей возраст умеет ценить отеческую любовь. Не было кадета, у которого, при прохождении «Деда» через кадетские ряды, не было бы слез в глазах. А между ними было много таких, которые уже прошли суровую школу жизни и давно забыли отеческую ласку. С каждым прожитым годом, увеличивается понимание сердца нашего «Деда» и глубокое преклонение перед его светлой памятью.

В заключение хочу сказать еще несколько слов. Новый директор, ген. М. Промтов, безусловно, каким-либо путем, знал о прошлом существовании «Лодыря». Но к чести его надо сказать, что он не предпринял никаких мер в отношении бывших сотрудников журнала, хотя некоторые «звери» надеялись, что он кой-кому «накрутит хвост». Держался пословицы: «Быль молодцу — не в укор».

Еще одна просьба ко всем, кто прочтет эти строки: если кто-либо знает о судьбе и местонахождении Н. Тищенко («Слон»), прошу сообщить мне.

5 вып. Крым. Кад. Корпуса (1925 г.)
С. Якимович

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Имеется долгоиграющая грамофонная пластинка, наигранная на концерте памяти К. Р. в 1975 г.

Произведения поэта: музыка, декламация и сцена из трагедии «Царь Иудейский».

Стоимость \$10 с пересылкой. Чеки или денежные переводы посылать на имя:

Vera Romanoff,
1326 Madison Avenue, Apt. 25, New York,
New York, 10028. U.S.A.

Владимирское Соревнование Учеников Русских Школ.

В этом году во Владимирском соревновании на литературно-исторические темы, ежегодно проводимым Нью Йоркским кадетским объединением, приняли участие Св. Сергиевская гимназия в Нью Йорке и церковно-приходские школы в Глен Кове, Лейквуде, Наяке, и Флашинге. Это соревнование имеет своей целью вызвать интерес у учеников русских школ зарубежья к познанию русского языка, к истории России и способствовать развитию у них правильного понимания ее исторического пути, так часто извращаемого в средних школах запада. В этом году сочинения писались на тему:

«Столыпинские реформы и хозяйственное развитие страны».

Лучшее сочинение написанное в каждой школе, участвовавшей в соревновании, выбранное руководителями школы, было передано смешанной комиссии при кадетском объединении по присуждению наград и Владимирского Стяга.

Комиссия присудила разделить первую награду между Екатериной Будзилович, ученицей церковно-приходской школы в Наяке и

Александрой Цейтлиной, ученицей Св. Сергиевской гимназии в Нью Йорке.

Хранение Владимирского Стяга на первое полугодие присуждено Св.-Сергиевской гимназии. После нового года Стяг будет передан на хранение церковно-приходской школе в Наяке.

Вторая награда присуждена Михаилу Иордан, ученику церковно-приходской школы в Глен Кове.

Передача наград и Стяга состоялась на выпускном акте Св.-Сергиевской гимназии в воскресенье 17 июня, где в торжественной обстановке М. Лермонтов, представитель школы в Лейквуде, хранившей Стяг в прошлом году, передал его гимназии. Награждая школу Владимирским Стягом мы отличаем не только ученика, победившего на соревновании, но и всех руководителей и педагогов школы, своим трудом способствовавших высокому уровню знаний, воспитываемой ими русской молодежи.

По результатам соревнований, комиссия, с чувством глубокого удовлетворения, заключает, что ученики большинства русских школ обладают солидными знаниями русской истории, хорошо владеют русским языком и, что самое главное, глубокими корнями тесно связаны с русской культурой. Благодаря дружным усилиям семьи, школы и молодежных организаций, наша молодежь богата двумя культурами и в этом ее огромное преимущество перед теми молодыми людьми, семьи которых избрали путь ассимиляции.

Редакция «Переключки» поздравляет награжденных и с радостью печатает в этом номере конкурсные сочинения двух талантливых учениц, разделивших первую награду. Пусть наши читатели убедятся, что русские школы готовят нам достойную смену.

Екатерина Будзилович
уч. Русской Церковной Школы
в Няеке, Н.-И.

8-го июля 1906 года на пост премьер-министра вступил Петр Аркадьевич Столыпин. Он обладал многими хорошими качествами: исключительным личным мужеством, умом, непреклонной волей, ораторским талантом и настойчивостью в достижении цели. Столыпин был убежденным монархистом и решительно проводил нужные реформы, не боясь ни революционеров, ни их угроз, ни возможного нареkania и недовольства справа.

Когда Столыпин выступил в Думе с декларацией, с левой стороны начались выпады и даже угрозы. На них Столыпин ответил: «Не запугаете», а на их требования он сказал: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

Самая главная заслуга Столыпина это его аграрная реформа. По реформе 1861 года земля давалась не отдельным крестьянам, а обществам.

В первое десятилетие после освобождения крестьян их экономическое положение постепенно ухудшалось. Главная причина этого заключалась в том, что урожайность была очень низкая, 30-35 пудов с десятины. Кроме того, крестьяне вели свое хозяйство примитивно (трехполье).

Крестьяне не имея уверенности в том, что получают при следующем переделе тот же самый кусок земли, не заботились

о ней. Когда население увеличивалось, надо было снова делить землю на новые уделы. Таким образом наделы становились все меньше и меньше. Революционеры использовали это положение для собственной выгоды. Они говорили крестьянам что, если разделить помещичьи земли, то все крестьяне разбогатеют.

К 1905 году из 395.000.000 десятин принадлежало:

Государству	140.000.000 д.
уделам, церкви, монастырям	15.000.000 д.
Крестьянам (надельным)	124.500.000 д.
Казакам	14.500.000 д.
Частным землевладельцам	101.000.000 д.
Из этих 101.000.000 д. принадлежало:	
Дворянам	53.000.000 д.
Крестьянам	26.000.000 д.
Промышленным компаниям	22.000.000 д.

Таким образом крестьяне владели 165.000.000 д., а дворяне 53.000.000. Большая часть этой земли (дворянской) находилась под лесом. К 1918 году у дворян оставалось только 40.000.000 десятин. По этим цифрам нам ясно, что дележка помещичьих земель очень мало помогла бы крестьянам, и то только временно. Во многих из этих дворянских имений велось культурное хозяйство, и уничтожение их тяжело отразилось бы на хозяйстве всей страны. (Они были поставщиками хлеба на внутренний и внешний рынок).

Столыпин сознавал, что проблема не в малоземелии, а в общинном землевладении, с трехпольной системой. Это была главная причина крестьянской бедности.

В марте 1906 года были созданы «землеустроительные комиссии для уничтожения чрезполосицы». В сентябре 1906 были изданы указы, о передаче крестьянскому банку земли на Алтае. В октябре 1906 года крестьянам были даны права равные со всеми другими сословиями. В ноябре 1906 года был издан закон, который позволял крестьянам уходить из общины со старым наделом, или получить новый. 15-го ноября им наконец дали права закладывать и продавать свои земли.

Эти законы Столыпин хотел провести через 2-ую Думу, но она не согласилась. Тогда он распустил ее и составил 3-ю Думу. После долгих споров она позволила провести эти законы.

В 1907 году, началась энергичная землеустроительная работа.

В России был только один межевой институт. Для новой работы не хватало землемеров. Поэтому были открыты новые школы. К 1911 году 5.000 землемеров работало на землеустроительных работах.

От 1907-1911 года, 25% крестьян подали прошение на выделение из общин (2.653.000). В 1914 году 2.040.000 крестьян были выделены, а проекты на выделение еще 2.862.000 были готовы.

Крестьянский банк выдавал ссуды для покупки новых земель. В Сибири, было много пустых земель, и государство организовало добровольное переселение малоземельных крестьян за Урал. Там они получали большие наделы и ссуды для устройства на новых землях. От 1906 года до 1913 года свыше 3.000.000 человек переселилось.

Кроме вышеуказанных мер, правительство давало и пособия на мелиорационные работы, устраивало образцовые показательные хозяйства и опытные поля. Об объеме всех этих работ можно судить по расходам ведомства земледелия.

В 1907 году этого ведомства составляли 46.000.000 рублей, а в 1914 году они составляли 146.000.000 рублей.

Земство тоже оказывало аграрную помощь крестьянам.

Результаты Столыпинской реформы очень ощутительны. Вместо 30-35 пудов ржи и пшеницы с десятины, крестьяне стали снимать 50-55 пудов с десятины. Ежегодный урожай хлеба поднялся с 2,5 до четырех миллиардов значительно увеличился сбор картофеля и сахарной свеклы. Быстро росла посевная площадь хлопка.

Но, к сожалению, Столыпину не удалось ни довести до конца свои мероприятия, ни увидеть результаты своей работы. Пятого сентября 1911 года он был убит.

Вместе с экономическим ростом, поднялось и общее благосостояние всего народа.

За последние 1/4 века, экономический подъем захватил все отрасли народного хозяйства России:

	1881	1904	1913
Длина железно-дорожной сети	23.000 км.	60.000 к.л.	70.000 к.л.
	1887		
Выплавка чугуна	35.000.000 п.	152.000.000 п.	2.000.000.000
Добыча каменного угля	125.000.000 п.	798.000.000 п.	2.000.000.000

	1895		1913
Добыча нефти	338.000.000 п.		568.000.000
Добыча золота	2.876 п.		3.701 п.
Добыча меди	395.000 п.		1.878.000 п.
Торговый флот	492.000 тонн		778.000 тонн
Торговый оборот			
внешней торговли	1,024.000.000 п.	1,683.000.000 п.	2,894.000.000
	1887		
Число рабочих	1.318.000	2,000.000.000	5,000.000.000
Государственный бюджет			
дошел до			3,000.000.000
Вывоз хлеба дошел до			750.000.000 п.

В течение двадцати лет (1894-1913) вклады в сберегательные кассы возросли с 300.000.000 рублей на 2,000.000.000 рублей. Значительно увеличилось потребление продуктов питания и мануфактуры. Широко развернулась потребительская и кредитная кооперация. К 1912 году число потребительских кооперативов дошло до 7.000. Кредитные кооперативы давали возможность крестьянам приобретать сельскохозяйственные машины, и тем улучшать свое хозяйство.

Крестьянам было куплено сельскохозяйственных машин:
на

1908	1912
54.000.000 рублей	131.000.000 рублей

К 1915 году в России было более 30.000 разного рода кооперативов.

Перед первой мировой войной Россия достигла большого расцвета не только в экономическом отношении, но и в культурном: науке, искусстве и литературе. Программа общего образования быстро приближалась к введению всеобщего обучения. А русские университеты и другие школы стояли на одном уровне с любыми европейскими.

Расходы министерства народного просвещения в 1904 г. равнялись 42.000.000 р., а в 1913 — 143.000.000 рублей.

В последние годы перед первой мировой войной Россия широкими шагами шла к достижению общего расцвета и настоящей гражданской свободы. Министр земледелия Кривошеин так сказал о будущих нуждах страны: «России необходимо 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всем мире».

Но... как нам известно, этого нужного спокойствия Россия

не получила. Вспыхнула первая Мировая война, а за ней и революция, которые отбросили Россию на десятилетия назад.

Но мы верим, что русский народ свергнет большевиков, а свергнув их, вспомнит Столыпина и продолжит его великое дело.

Александра Цейтлина
уч. Св.-Сергиевской Гимназии
в г. Нью-Йорке

”Тьма пускай еще ярится, —
День взойдет могуч.
Вещим оком я уже вижу
Первый сладкий луч“...
Поэт Майков.

Петр Аркадьевич Столыпин был выдающимся государственным деятелем; сначала министром внутренних дел, а затем Председателем Совета Министров. Этот замечательный человек сделал необыкновенные преобразования, которые в последствии послужили процветанию России, если бы трагические последствия не остановили планов дальнейшего проведения реформ.

Манифест 17-го октября 1905 года обратил Россию в конституционную монархию. Вся Россия приветствовала это замечательное событие. С данного момента ни один закон не мог быть приведен в действие, без одобрения Государственной Думы.

Как пламенный русский патриот, талантливый государственный деятель и убежденный монархист, Петр Аркадьевич в первую очередь старался довести до конца реформы императора Александра 2-го. Также нужно было закрепить Манифест, тем самым не дать радикалам воспользоваться случаем и разрушить установленный порядок. Для того нужно было создать зажиточное крестьянство, уничтожить общину, являющуюся главным злом бедственности крестьян. Крестьяне были прикреплены к своему обществу и не могли уйти из него. Земли принадлежали этому сельскому обществу, которое время от времени передавала участки из одних рук в другие. Ни земли, ни скот не принадлежали крестьянину, он не был их собственником и поэтому не был заинтересован в ведении хозяйства. Трудлюбивые и хозяйственные крестьяне были ограничены в инициативе.

Первым и очень важным делом П. А. Столыпина было уравнение крестьян с другими сословиями. Этим законом как бы подвелась черта под реформы, проведенные императором Александром II. Крестьяне, после долгих лет, наконец, почувствовали «Зорю новых дней». Им было разрешено покинуть общину, и тем самым переселиться на новые, еще не освоенные земли Сибири и Туркестана.

Столыпин также предлагал и другие средства помощи крестьянам: широкое развитие кредита, продажи земли на льготных условиях малоземельным крестьянам. И, конечно, результаты этой реформы сказались очень быстро. За каких-нибудь пять лет огромное количество крестьян вышло на отруба и успешно занималось хозяйством.

Все необходимые мероприятия для переселения крестьян на новые земли Сибири и Туркестана были проведены в самые краткие сроки. Нужно было построение больниц и других различных видов услуг.

В результате проведения всех этих мероприятий и несмотря на ломку всей системы ведения хозяйства, земледелие и другие отрасли сельского хозяйства расцветали с необыкновенными успехами. За границу вывозилось хлеба почти на 750 миллионов долларов. С большими успехами развивалась промышленность. Кроме того, в России развивались различные кооперации. Большой знаток русского экономического вопроса, профессор Билимович писал: «Русское кооперативное движение и его сказочный рост в последнее десятилетие перед 1917 г. показали на какую высоту мирной созидательной работы может подняться народный дух и какие творческие силы таятся в народах России».

Но кроме земельной реформы Столыпин огромное внимание обратил на крестьянский вопрос. Петр Аркадьевич свел земские учреждения в юго-западном крае, где нерусское население затрудняло жизнь и деятельность русских.

Все это в совокупности, определяло цвет и огромные темпы преобразований. Столыпин просил: «Дайте нам двадцать лет спокойной жизни и вы не узнаете Россию».

Одним из величайших достижений Председателя Совета Министров было введение военно-политических судов для террористов и крупных военных преступников. Эта реформа была не принята за границей. Один американский журналист назвал ее «столыпинскими галстуками».

Это была ложная трактовка людей, которые не разбираются в политической обстановке России и судят ее своими мерками. И потом быстрое развитие России в то время пугало Запад.

Так благодаря этим реформам П. А. Столыпина, — подготовленными и получившими начало от В. Ю. Витте, который так умело остановил продвижение левых революционеров своим манифестом и считавшимся «спасителем» монархии, — Россия имела возможность показать весь свой потенциал.

Как ни желательны были эти реформы патриотическими сердцами России, но желаемых двадцать лет они не получили. Действия революционеров, сильно обеспокоенных успехами реформ, подорвали их успешное дальнейшее проведение. Во время театрального представления, в Киеве, революционером Багровым, был убит человек, способствующий благам своей Родины, верный сын ее и преданный государственный деятель.

Трудно себе представить, что величайшие труды Столыпина, были сведены на нет. Коммунисты сразу же стали уничтожать то ядро реформ, которое Петр Аркадьевич считал столь необходимым. Придя к власти большевики превратили крестьян в колхозников, лишили их частной собственности, а также главной целью поставили уничтожение зажиточности крестьян.

Если бы рука истории могла предотвратить ход событий или направить их по правильному руслу, то наша Россия была бы самой цветущей, и, конечно, русскому человеку не надо было бы искать убежища в чужих землях.

Но управлять машиной истории пока не научился ни один выдающийся ученый. И поэтому нам, родившимся в России, только остается делеять мечту о будущем, когда русская земля зацветет на свободе и протянет к нам, ее руки.

Петр Аркадьевич Столыпин и его выдающаяся деятельность всегда будет жить в сердцах людей, горячо любящих свою Родину.

БИБЛИОГРАФИЯ

Изданная кадетами - хабаровцами история Хабаровского Графа Муравьева-Амурского Кадетского Корпуса займет достойное место на библиотечных полках любителей русской военной были. Этот документальный, серьезно обдуманый и хорошо изданный труд, в живой и увлекательной форме дает историю корпуса с момента его основания в 1888 году и проводит читателя через красивые годы мирной подготовки военной молодежи к служению России, сквозь страшные годы русского лихолетья, в котором русские мальчишки с кадетскими погонами на плечах показали себя достойными сынами своей великой Родины и заканчивает историю корпуса в Югославии, где последние хабаровцы сменили свои погоны и влились в уже существовавшие там кадетские корпуса, украсив их своим неугасимым кадетским духом.

Книга эта будет служить прекрасным пособием к изучению истории кадетских корпусов и русской белой эмиграции. От души приветствуем издание этой книги и горячо рекомендуем ее нашим читателям.

Н. В. К.

ХРОНИКА

ИЗ ВЕНЕЦУЭЛЫ

Известный художник-баталист А. И. Шелоумов в Венецуэле.

В декабре 1978 г., (гор. Маракай) приехал навестить свою падчерицу А. И. Шелоумов. При помощи друзей ему удалось устроить выставку своих картин в зале Латинского банка. Выставка прошла с грандиозным успехом как моральным так и материальным. На открытии выставки присутствовал губернатор провинции, который в благодарственном письме отметил культурное событие, высокий артистический уровень его картин и благодарил его за устройство выставки. Градоначальник гор. Маракай провозгласил А. И. почетным гражданином города. Выставка прошла при большой посещаемости

публики не только из Маракая, но и из Каракаса. А. И. гостил у своего зятя доктора Г. Б. Брокса, благодаря усилиям и связям которого, удалось с таким успехом провести выставку.

В Мюнхене 3-9-1977 г. в «Байришен Хофе» было отпраздновано 85-летие художника-баталиста Афанасия Ивановича ШЕЛОУМОВА.

ШЕЛОУМОВ родился 17 августа ст. ст. в 1892 г. в г. Балте Херсонской губернии. С детского возраста он увлекался рисованием лошадей. После окончания ср. школы поступил в Одесское художественное училище и в скором времени перевелся в Императорскую Академию в Петербурге, где он был учеником САМОКИША. Война 1914 г. прервала учение. Сражался солдатом, офицером и затем находился в рядах Добровольческой Армии.

1920 г. Галлиполи, Сербия. Шелоумов серьезно работает. Вскоре его картины становятся известны, покупаются музеями и частными коллекционерами.

В 1941 г. бросив блестяще налаженную карьеру уходит в корпус, а затем из Югославии перекочевывает в Германию. Предательства англичан удалось избежать, осел в Штарнберге, около Мюнхена и продолжает заниматься искусством.

Имя Шелоумова в художественном мире становится известным. Его картины в Белграде, Нью-Йорке, Германии и т. д.

Его картины — по всему свету. Рука, держащая кисть, не ослабевает и зрение остается таким же, как и в ранние годы...

Ю. Щ. и М. О.

В ВЕНЕЦУЭЛЬСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ.

Вот и год пролетел со времени шестого съезда, к которому так готовились, об успехе которого так волновались. А до седьмого съезда остается тоже год, а может быть и больше, ибо наши «французы» молчат, как в рот воды набравши. По опыту знаем, как им не легко, сколько вопросов нужно разрешить и какое количество препятствий преодолеть, т. ч. надежд не теряем и вестей ждем терпеливо.

«А дни бегут, как уходит весной вода; дни бегут, унося за собой года», как пел Вертинский и плохо лишь то, что и дней, и лет, остается впереди все меньше. В начале эмиграции умирали генералы, потом на очень долгий срок их сменили полковники. Войны, первая мировая и гражданская, с сокра-

щенными сроками для производства в очередной чин, да и упразднение чина подполковника, привели к тому, что полковники составляли добрую половину русского офицерства за границей. Период капитанов, ротмистров и поручиков прошел незаметно. Немного дольше длился период корнетов, который продолжается еще и сейчас, благодаря Училищу в Белой Церкви. Но все больше и больше появляются в газетах объявления об уходе в лучший мир кадет. И особенно трогательно то, что вдова или дети не забывают упомянуть о том, что покойный доктор или инженер, муж или отец, был кадетом такого-то корпуса. Много, значит, было в семье разговоров о кадетских годах, сумел кадет внушить своим близким чувство уважения к родному гнезду.

Мысли грустные, но и бодрящие. Если мало лет осталось впереди, то использовать их нужно полностью, а среди все более узкого круга интересов, присущего возрасту, общение с друзьями становится одним из высших удовольствий.

В венецуэльском объединении давно установилась традиция собираться каждые два месяца у кого-нибудь на дому, обсудить текущие события, повидать друзей, выпить рюмку за здоровье хозяев и всех присутствующих и отсутствующих, дать возможность дамам вынести компетентное суждение по всем вопросам мирового, национального, колониального, семейного и даже личного значения.

В прошлые годы желающих устраивать эти собрания у себя было много. Но с годами дети создали свои семьи. Большие дома, требующие много усилий по своему содержанию, опустели и стали обузой и сейчас есть тенденция переходить на квартирное житие, а в квартире большого собрания не устроишь. Пока устройство собраний еще не проблема, но все больше и больше приближается время, когда придется перейти на встречи в клубах или ресторанах.

А людей из города тянет в природу. Многие являются членами разных клубов, включая и «Пуэрто Азул», где состоялся съезд. Другие предпочитают отдыхать обособленно, независимо от отельной обстановки, ресторанов, толп людских, детишек «воспитанных» по современному. Два члена нашего объединения, председатель Б. Е. Плотников и Г. Г. Волков имеют дома-дачи на берегу Карибского моря, в Окумарэ. От Каракаса езды часа три-четыре. Последние полтора часа через горный перевал, сплошь покрытый тропическим лесом, красоты исключительной. Деревья, в борьбе за солнце, тя-

нутя вверх метров на тридцать, все перевито лианами, дикие бананы со своими огромными листьями и яркими цветами, орхидеи. А внизу дорога бежит по берегу речки, через плантации какао, которое растет хорошо только в тени деревьев. В Окумарэ есть пляж, но открытый для волн, да и дно каменистое. Но зато в 10-ти минутах езды лежит бухта «Ката», где пляж исключительный: песок, пальмы, закрытый скалами залив, — волны не бьют, а ласкают.

Так вот, июньское собрание объединения организовали в Окумарэ. Сколько трудов это стоило организаторам! Держать на дачах хорошую обстановку, утварь, сервизы, немислимо — разграбят. Все пришлось везти из Каракаса и три недели перед собранием Борис и Жора приезжали по субботам и уезжали в воскресенье, перевозя все необходимое. Хозяевами собрания были Катя и Жора Волковы при огромной помощи Катиной сестры Аннушки. На Плотниковых пала организационная часть, хотя Таня не преминула сделать свой вкусный взнос в обширное меню.

Из 27-ми участников, только 10 спали в отеле. Остальных разместили в этих двух гостеприимных домах, а ведь среди них был и Владыка Серафим, были супружества, были одинокие дамы и мужчины.

На собрании обсудили вопросы помощи попавшим в беду товарищам. Прослушали две статьи, привезенные Владыкой Серафимом, о Ген. Адамовиче, как Начальнике Виленского Военного училища и о «Дочери Кексгольмского Полка», а потом, соединившись с дамами, помянули минутой молчания и пением «Вечной памяти» двух только что ушедших от нас товарищей Виктора Грицаенко, здесь в Венецуэле, и Шуры Даниловича в Бразилии.

Потом был лукулловский ужин, где помимо массы закусок, центром внимания был куриный паприкаш с «ньюorkами», а особенно лапки и грудки диких уток. Племянник Волковых специально ездил на охоту в провинцию и настрелял тридцать штук, которых нужно было чистить, отмачивать в вине, жарить.

Как всегда в тропиках, было жарковато, но Жора Волков все же поставил самовар и кажется тем кто пил чай было прохладнее, чем тем, кто пил «прохладительные» напитки.

За ужином выпили за здоровье бессменного секретаря объединения, лихого донца Н. Н. Лихарева, не во-время прихворнувшего. Вспоминали съезд, тех кто побывал на Окумарэ,

всех друзей, где бы они ни были. А при прощании получили приглашение на завтрак следующим утром. И снова было обилие всего, а главное того чувства дружбы и связи, которым так гордо наше объединение. Бедные хозяйки видимо вообще не сомкнули глаз, ибо дом блистал чистотой, посуда была перемыта, кофе сварено, кипел самовар.

Потом группами разъехались по пляжам, сидели в тени пальм, купались, а в два часа снова наполнили дом Волковых и снова уплетали за обе щеки все что осталось от ужина и завтрака.

Эти сутки, проведенные вместе, так напомнили всем съезд, что и эту встречу начали называть «мини-съездом», а желание поделиться пережитой радостью со всеми друзьями и еще раз поблагодарить милых хозяев, выразилось в настоятельной просьбе написать обо всем для «Кадетской Переключки», что и исполнил, как умел.

Владимир Бодиско.

С.Ш.А.

Лос Анжелес.

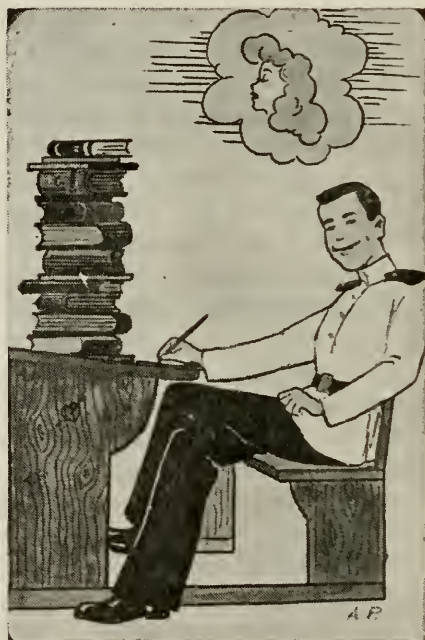
Кадеты Крымцы, последнего 9-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса 1929 г., проживающие в Лос Анжелесе, поздравляют всех своих однокашников по выпуску с 50-тилетним юбилеем окончания корпуса и шлют свои наилучшие пожелания.

САН-ФРАНЦИСКО

Пасхальная Кадетская встреча.

По укоренившейся традиции Кадетского Объединения в Сан Франциско Пасхальная встреча Кадет и их семей для взаимных поздравлений прошла, как и всегда дружно, радостно и шумно в Доме Ветеранов, в День 6-го мая.

Но эта встреча отличалась от прошлых особенной торжественностью связанной с чествованием 90-то летия старейшего

кадета коренного ПОЛОЧАНИНА и одного из БАРДОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ — одного из самых молодых генералов, которому Ген. Врангель доверил командование конной дивизией. Это высокое назначение было получено им заслужено, а видимо он был отмечен и Богом давшим ему такую яркую долголетнюю и плодоносную жизнь. Плодоносную потому, что несмотря на частые жизненные невзгоды, ранения и разные эмигрантские потасовки он никогда не отстранялся от русского общества, особенно военных организаций, принимая личное участие во всех национальных, патриотических начинаниях.

Поэтому совсем понятно, что встреча оказалась значительно многолюдней, ибо каждый из присутствующих считал своим долгом присутствовать на этом редком юбилее и этим выказать свою любовь, уважение самой БЕЛОЙ ИДЕИ и одному из ее здравствующих живых героев.

Само просторное помещение столовой Дома Ветеранов было заставлено длинными, красиво декорированными и сервированными столами. Об этом постарались наши кадетские дамы под руководством отозвавшейся на просьбы вдовы одного из наших долголетних членов Объединения Юры Телятникова. Мария Ивановна Телятникова приняла на себя должность руководительницы и хозяйки и принятое обязательство выполнила безукоризненно. Длинный широкий стол стоящий посередине подлинно напоминал богатый пасхальный стол прежних, счастливых времен России. А разложенные и расставленные на нем всевозможные «вкусности» свободно могли конкурировать на самых лучших выставках кулинарного искусства.

С приближением времени к 2 часам столовая все больше и больше наполнялась новоприбывающими гостями. Хотя уже и с большими намеками на старость, а многие и с порядочными сединками или лысинками, все еще не сдаваясь, а подчас и камуфлируя неуверенную походку были по военному подтянуты... Правда, даже и с большой натяжкой глядя на них трудно бы было воспользоваться словами «Кадетской фуражки», что, мол, «Все дамы смотрят на Тебя и шепчут, шепчут чуть заметно, — Какое милое дитя!» Но вместе со своими нарядными дамами выглядели по праздничному весело и бодро. И никто со стороны и не подумал бы даже, что между ними находятся люди (к сожалению) с нелегкими хроническими болезнями.

Звуками марша Военно-Учебных Заведений было ознаменовано прибытие ЮБИЛЯРА вместе с Е. В. Князем Василием Александровичем и Е. В. Княгиней Наталией Александровной встреченных членами Правления Объединения вместе с А. А. Стацевичем, председателем Объединения поступившегося в этом случае своим положением больного. Одновременно прибыл и Архиепископ, Владыка Антоний (кадет Петровско-Полтавского и Крымского Корпусов) и архимандрит Спиридон (кадет Сибирского Императора Александра Первого К. К.).

После моления Владыки Антония и пропетых пасхальных песнопений Владыка Антоний провозгласил здравствование всем присутствовавшим и многолетие ЮБИЛЯРУ. После благословения им яств было приступлено к официальной части прославления такого редкого ЮБИЛЕЯ. И как не радостно и торжественно было переживать это великое событие в жизни Владимира Николаевича, генерала Выгрна, тихая грусть напоминала о уже оставивших нас легендарных героев и вождей Белой Мысли — Белой Идеи...

Главные речи направленные в адрес юбиляра были произнесены Владыкой Антонием и А. А. Стацевичем. В короткой, содержательной и подчеркивающей заслуги генерала Выгрна речи Владыка Антоний пожелал ему бодрости духа, здоровья и от Господа долголетия.

А. А. Стацевич свою речь сопроводил подношением подарка, серебряного блюда со знаком военно-учебных заведений. Подарок был преподнесен Юбиляру, как СТАРЕЙЕМУ КАДЕТУ и ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ от КАДЕТ Объединения из Сан Франциско. После этого под звуки родного юбиляру полкового марша Бугских улан была ему поднесена чарочка.

После ответа и благодарности Славленика за оказанный ему прием и прославление такой значительной даты были провозглашены речи полков. Лекторского, оказавшейся случайно (проездом в Лос Анжелес) поэтессой Нонной Белавиной, которая зная еще в Н.-Й о предстоящем юбилее привезла поздравление и привет от Донских-Мариинских институток и также вручила поздравление КАДЕТ Нью-Йоркского Объединения порученное ей Глебом Николаевичем Сперанским, председателем Объединения.

Затем после провозглашенных здравниц Родине, ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЮ от пленения красными варварами, кадетами... была провозглашена здравница за ЛУЧШИХ ПОЛОВИН КАДЕТ, а Марии Ивановне Телятниковой специально была под-

несена чарочка под традиционное пение, за ее поистине сказочные труды в работе по устройству и оформлению такого редкого торжества.

Несмотря на страшную тесноту к которой справедливо было бы применить и поговорку, в тесноте, да не в обиде, все присутствующие на этой торжественной встрече чувствовали себя весьма не плохо, что могло наблюдаться при исчезновении кулинарных успехов и прелестей созданных руками наших дам как и при движении и рук и штопора работавшего без перебоя Шуры Амочаева лихо стреляя в потолок пробками шампанского.

В заключение необходимо перечислить еще лиц увеличивших своим присутствием происходящее торжество. Такими были: Председатель Об-ва ветеранов Вел. Войны поручик Усков, Председатель Союза Чинов Русского Корпуса полковник Лекторский, председатель Отдела Союза Чинов Русского Корпуса поручик Гранитов, обе супруги наших покойных председателей Александра Александровича Линицкого и Андрея Степановича Громыко.

Кроме того в общей кадетской массе находился и единственный присутствующий ОДНОКАШНИК генерала В. Н. Выграна ПОЛОЧАНИН и Княже-Константиновец Шура Горбачевский и как всегда отзывающийся на все кадетские начинания Слава Хлопов с супругой и двумя славными представителями второго поколения, которым к сожалению не суждено носить кадетские погоны и институтскую пелеринку.

Алексей Мальчевский.

30-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В АРГЕНТИНЕ.

3 июня 1979 г. Объединение кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине скромно отпраздновало 30-тилетие своего существования. Несмотря на то, что в это время свирепствовала эпидемия гриппа, на празднестве присутствовало около 70 человек-кадет с семьями и родственниками кадет. К сожалению, число вдов кадет увеличивается с каждым днем.

После литургии, в Храме Св. Сергия Радонежского был отслужен торжественный молебен с поминовением. Чинодействовал протоиерей о. Владимир Шленев (княжесконстантино-

вещ). Пел хор, составленный на месте из кадет и их супруг и родственников. Было провозглашено многолетие Главе Российского Императорского Дома и всем начальствовавшим, учившим и учившимся в корпусах. Затем были помянуты все Державные основатели и шефы корпусов, Короли Югославии Александр I и Петр II, все начальники и кадеты, на поле брани живот свой положившие, в смуте убиенные и в миру скончавшиеся. По окончании молебна, протоиерей о. Владимир поздравил всех однокашников с юбилеем, пожелавши Объединению и в будущем продолжать успешно свою деятельность, думая всегда о России.

По давно установившейся традиции, кадеты, после окончания молебна построились перед зданием школы для отдания чести Аргентинскому и Русскому флагам. Возле мачты с флагами стояли молодые кадеты-сыновья наших однокашников: А. Андрушкевич в форме Аргентинского корпуса и В. Фененко в форме Крымского корпуса. Под звуки Аргентинского гимна был поднят Аргентинский флаг. Затем, под звуки русского народного гимна: «Боже Царя Храни» был поднят наш трехцветный флаг — символ величия и славы России. По окончании церемонии все присутствовавшие перешли в зал школы, украшенный портретами Царской Семьи, Вел. Князя Константина Константиновича и кадетскими эмблемами.

Председатель Объединения С. А. Якимович обратился с приветствием ко всем присутствовавшим, поздравив Крымцев и Княжекостантиновцев с праздниками, подчеркнув что-то обстоятельство, что мы и через 30 лет продолжаем встречаться, лишний раз доказывает крепость нашей кадетской дружбы и верности нашим традициям, приведя цитату из стихотворения нашего однокашника Г. Войцицкого: «... что дух кадетский не угас, и что из нас пребудет каждый, **кадетом** даже в смертный час». Затем вставаньем и пеньем песни «Дворянского Полка» почтили память однокашников ушедших в лучший мир. Во время пенья, молодые кадеты Андрушкевич и Фененко спустили настольные флаги на «пол копыя».

Пропели молитву и митрофорный протоиерей о. Сергей Иванов (1-го Сибирского и Донского к. к.) благословил трапезу, приготовленную заботами наших милых дам.

Первый тост был провозглашен за Главу Императорского Дома и за Россию. Затем следовали тосты за отсутствующих больных однокашников, за родные корпуса, за Дамский комитет, за молодежь, за все Объединения кадет и всех одно-

кашников в рассеянии сущих. Прочитаны приветствия из-за болезни отсутствующих старейших кадет: полковника А. А. Рябинского и гв. полковника Н. Л. Неелова. Полковника Парагвайской Армии Л. Оссовского, вдовы недавно скончавшегося однокашника Л. Павловского и др.

В виду того, что в данное время «Перекличка корпусов» не имеет своего эффекта из-за малого числа кадет разных корпусов или их отсутствия — этому акту была придана другая форма: все кадеты, присутствовавшие на встрече поочередно вставали и называя свое имя, корпус и выпуск, поднимали бокал за свой корпус. Этим закончилась официальная часть встречи. В дружеской беседе и пеньи военных и кадетских песен незаметно прошло время и нужно было расходиться.

Расставались с сожалением, с пожеланиями снова встретиться в дружной кадетской семье, где все забывают о годах и чувствуют себя снова молодыми.

С. А. Якимович,
Крымского Кад. Корпуса вып. 1925 г.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

ДРУЗЬЯ КАДЕТЫ

Каждый из нас вспоминая годы проведенные в своих родных корпусах, также вспоминает и своих «друзей-однокашников, с которыми их годами тесно связывала сердечная дружба. Жизнь разбросала и рассеяла нас по всему миру и наша дружеская связь оборвалась. Особенно этому способствовала Вторая мировая война и последовавшие за ней события. Теперь, когда большинство из нас достигло весьма почтенного возраста так хочется найти своих старых друзей — друзей милого кадетского детства и юности и спросить у них, — а как же прошла их жизнь и чего они в ней достигли и рассказать им о своей судьбе. Но, для этого надо знать живы ли они, если живы то где — в какой стране. Получить их адрес.

Такие поиски не под силу одному человеку. Это можно осуществить только с помощью наших кадетских Объединений.

Мы обращаемся ко всем Объединениям в других странах и к каждому несостоящему в объединениях кадету с просьбой прислать нам известные им сведения с указанием имен и адресов. Эти сведения мы будем периодически публиковать в нашем журнале ПЕРЕКЛИЧКА.

Это даст возможность каждому из нас найти своих друзей детства и юности и снова установить с ними связь.

В добрый час друзья-кадеты! Не откладывайте на завтра то, что вы можете сделать сегодня!

Б. Ганусовский.

Редакция горячо поддерживает это начинание.

ОТВЕТ ПСКОВИЧА.

(См. Кад. Переключку № 20).

Б. Павлов, цитируя выдержку из книги В. А. Каверина «Освещенные окна», изданную в Сов. Союзе в 1976 г., просит кадет-псковичей ответить правильно ли осветил Каверин, описанное им собрание «общества учащихся средне-учебных заведений» в Пскове весной 1917 г., на котором обсуждалась кандидатура в председатели общества князя Тархан-Моурави, кадета выпускного класса Псковского Корпуса и чем это собрание закончилось.

В 1916-17 уч. году я был в третьем классе Псковского Корпуса и, естественно, не мог принимать участия в этом собрании. Я обратился к В. Д. Румянцеву, проживающему ныне в Сиднее, который в то время был кадетом первой роты. В. Д. Румянцев вспомнил, что в марте-апреле 1917 г. в корпусе был кн. Тарханов, который вероятно и является лицом описанным в романе Каверина под фамилией Тарханов-Моурави. В корпус он был переведен в 1916 г. из другого корпуса. Высокий, смуглый, красивый и очень представительный кадет. После февральской революции было разрешено кадетам посещать митинги, доклады и собрания вне здания корпуса. Однажды по совету вице-фельдфебеля Акулова, группа кадет, заранее сговорившись с гимназистами и реалистами близкими нам по духу, отправились на организационное собрание учащейся молодежи, чтобы провести в председатели «нашего» кандидата князя Тарханова, который и был выбран большинством голосов. Собрание это было не в женской мариинской

гимназии, как пишет автор, а в мужской гимназии около Великолуцкой улицы.

Вполне возможно, что кандидатура Тарханова была встречена частью присутствовавших враждебно и сцена описанная Кавериним действительно произошла. Автор только забыл указать, что Тарханов был избран в председатели.

Известен факт, что кадеты враждовали с гимназистами, однако после февральской революции право-настроенные гимназисты были очень близки кадетам. С реалистами кадеты обычно не враждовали.

Сергей Ольденборгер
6-ой вып. К.К.К.

В июне 1978 года вышел из печати сборник стихов
кн. Николая Всеволодовича Кудашева

«ТЕНИ»

Цена 7 долларов.

Получить информации и выписать сборник можно по
адресу:

Mrs. K. G. Kudashev
581 West 185 str. Apt. 2-D.
New York, N. Y. 10033
Tel. No (212) - 781 - 9414

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Вечная память ушедшим однокашникам!

В Загребе, 2 февр. 1979 г. скончался

ИГОРЬ ШУНЕВИЧ

Крымского и Первого Русского Кадетского Корпусов.

В Калифорнии, 21-го марта 1979 г. скончался

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ ШАРИКОВ

Казак ст. Суворовской, Крымского Кад. Корпуса 9-го вып.

В Лейквуде, 26-го марта 1979 г. скончался

АЛЕКСЕЙ КИБИРЕВ

Казак ст. Нижне-Чирской, Донского Кад. Корпуса 39 вып.

В Советском Союзе, 25-го апреля 1979 г. скончался

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОПОНОВ

Русского Кадетского Корпуса 8-го вып.

15-го мая 1979 г. скончался

Инж. ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ ПАВЛОВСКИЙ

Первого Русского Кад. Корпуса, 10-го вып.

В Австралии скончался

СЕРГЕЙ НОВИЦКИЙ

Крымского и Первого Русского Кад. Корпусов.

В Цинцинате США, 14 июня, 1979 г. скончался

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Донского Кадетского Корпуса.

В Сан Пауло, Бразилия, 3 июня 1979 г. скончался

Архитектор

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ДАНИЛОВИЧ

Первого Русского Кад. Корпуса, 12 вып.

В Нью-Йорке, 13 июня 1979 г. скончался

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ЗАХАРЬИН

Русского Кадетского Корпуса, 8-го вып.

В Лейквуде, 14 июля 1978 г. скончался

Полк. ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЯНИЦКИЙ

Полоцкого Кад. Корпуса, вып. 1911 г. и Константиновского Военного Училища. Участник 1-ой и Гражданской войны в составе армии ген. Юденича.

В Брюсселе, 1978 г. скончался

МИХАИЛ ПИСАРЕВ

Казак ст. Нижне-Чирской, Донского Кад. Корпуса, 39-го вып.

В Париже, 1978 г. скончался

Инж. АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ТУРОВЕРОВ

Поэт и писатель. Казак, ст. Каменской, Донского Кад. Корпуса, 35-го вып.

В Венецуэле в июне 1979 г. скончался

ВИКТОР ГРИЦАЕНКО

Крымского и Первого Русского Кад. Корпусов.

30 мая 1979 г. в Аргентине, в провинции Буэнос Айрес скончался на 85 году жизни полковник Русской Императорской Армии, Георгиевский кавалер и инвалид

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ,

воспитанник 1-го Кадетского корпуса, вып. 1912 года.

В Австралии скончался капитан югосл. армии

ВЯЧЕСЛАВ КОБЕЛЕВ

Крымского Кадетского Корпуса, вып. 1925 г.

В Нью-Йорке, 22-го июля 1979 г. скоропостижно скончался Казначей Нью-Йоркского Объединения

МАКСИМИЛИАН ЛЕОНИДОВИЧ МИХЕЕВ

21-го вып. Первого Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпуса.

Кадетская семья в гор. Аделаиде (Австралия) с глубоким прискорбием извещает о скоропостижной кончине своего друга-одноклассника кадета Петровско-Полтавского Кадетского Корпуса

САВВЫ ПЕТРОВИЧА РАХМИНА,

последовавшей 6-го сентября с. г. Похороны состоялись 9-го сентября на местном городском кладбище.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ Н. В. КУДАШЕВА

«Пусть из этих обрывков моих песен узнают и поймут, как мы любили Родину и жили только думами о ней», писал Николай Всеволодович в предисловии к сборнику своих стихов, изданному им незадолго до смерти. Поэт и воин, принадлежавший к тому блестящему поколению русской молодежи, которое Первая Великая война и окаянные годы русской смуты застали еще сидящим за партой. В шестнадцать лет для него уже

«... Сторонкой молодость прошла,
Растаяла в тумане дымкой,
Она осталась, как была
Непостоянной невидимкой.

.
Грозой испепелив до тла
Под выстрелы и скрежет стали,
Она улыбку унесла
В недосыгаемые дали.

В шестнадцать лет он вместе со своими сверстниками уже там, где

«Только смертельный выстрел
Или в упор картечь
Право давали быстро
Без приказания лечь.
Перешагнув живые
Шли... соблюдать черед...
Только в одной России
Мог быть такой поход».

Н. В. Кудашев родился в Кременчуге в 1903 г. В 1919 г. из шестого класса реального училища вступает вольноопределяющимся в Белую Армию и с батареей, входившей в состав 3-его конного корпуса ген. Шкуро уходит в поход. После контузии переводится на бронепоезд «Дозорный», а затем с командой разведчиков 135-го пехотного полка принимает участие в десантной операции, которая закончилась гибелью полка описанной им в стихотворении «135-ый пехотный»:

«Побатальонно, поротно
Выбыв из строя смолк
Сто тридцать пятый пехотный
Керчь-Еникальский полк.

Молодец молодца краше,
Пулями мечены лбы...
Не доходя Таганаша
Вышли из белой борьбы...
Полк, пробивая дорогу,
В полном составе лег:
Мертвые — прямо к Богу
Раненые — в острог...
Скошен косою пулеметной,
В Северной Таврии смолк
Сто тридцать пятый пехотный
Керчь-Еникальский полк!»

Раненый и чудом спасшийся Коля Кудашев, приказом Главнокомандующего, направлен в Феодосийский Интернат при Константиновском Военном Училище, впоследствии вместе со сводным Полтавско-Владикавказским Корпусом, преобразованный в Крымский Кадетский Корпус.

Окончив корпус в Югославии со вторым выпуском, кн. Кудашев выходит в Николаевское Кавалерийское Училище и после производства в корнеты выходит в 12-ый Гусарский Ахтырский полк и несет службу в пограничных войсках. В 1941-ом году он один из первых в рядах Русского Корпуса, а впоследствии, в составе Р.О.А., по окончании войны, переносит ужас предательства в Платлинге. По выходе из плена, за противодействие насильственной репатриации русских людей был арестован оккупационными властями. По приезде в Америку, невзирая на тяжелые условия жизни, Н. В. в течение нескольких лет существенно помогал многим русским выехать из Германии и обосноваться в Америке.

Покойный был одно время председателем Кадетского Объединения в Нью-Йорке и до последнего дня состоял старшиной объединения.

Вся жизнь Николая Всеволодовича это живой пример любви к Родине. Любви жертвенной и бескомпромиссной. Горячий, унаследованный от татарских предков, характер заставлял его всегда быть в первом ряду, как на бранном поле в борьбе за Россию, так и в поисках правды в периоды затишья. О себе самом написаны им эти строки

«Нет места нам за чуждым очагом
Нас ждет свой дом, свои волнующие цели
Мы много вынесли, но русскими умрем
Как прожили от самой колыбели».

Клавдии Гавриловне и сыну Алеше с семьей выражаем наше глубокое соболезнование.

Н. Козякин.

ПАМЯТИ Я. М. БАРТОШ.

17 января с.г. скоропостижно скончался

**Яков Михайлович
БАРТОШ,**

кадет Крымского кадетского корпуса, в который он поступил в 1924 году, приехав из Румынии, Бессарабии. В корпусе сразу обратили внимание на его дискант. Яша пел в хоре, где часто солировал, а также выступал на корпусных концертах. Будучи в четвертом классе он попал в корпусной оркестр, который был на высоком художественном уровне. Но так как он болел астмой, доктор запретил ему играть на духовых инструментах, что огорчало его, буквально, до слез.

В утешение его взяли на ударные инструменты (на маленькие барабаны) и он был очень горд, когда под его «дробь» кадеты шли в строю.

После того как расформировали Крымский кадетский корпус, он уезжает в Донской Имп. Александра III кадетский корпус в 6-ой класс. В Донском корпусе продолжает заниматься пением, играет в оркестре, берет уроки музыки — рояль и даже управляет кадетским хором, во время отсутствия регента Верушкина, который уезжает на лечение в Вурбург.

В семье Яши многие пели, обладая хорошими голосами. Его старшая сестра была оперной певицей и впоследствии, преподавая пение, создала в Одессе целую плеяду оперных певцов. Об этом говорили Яше, приезжавшие из Сов. Союза певцы. Сам Яша был исключительно музыкален, всю жизнь любил музыку и она давалась ему легко.

После окончания корпуса, будучи уже в Белграде, начинает серьезно заниматься пением, вернее постановкой голоса. Поступает в музыкальную школу Станковича по классу пения. В то время там не было хороших педагогов, и проходя теорию в школе, он брал частные уроки пения у Тарало-Щетининой, Юреньева, Марьяшца, Жарко Цвиича, Пининской и других известных певцов и педагогов. В это же время он выступает с серьезным репертуаром в концертах. В 1943 году, когда ставили первую русскую оперу — «Царскую невесту» Римского-Корсакова, русскими силами, Яша предложил петь ведущую партию Грязного.

Опера была поставлена солидно, с оперным оркестром и с участием известных русских оперных певцов: Драусаль, Казамаровой, Марьяшца, Шевелева, Диевского «Царская невеста» прошла и повторялась с большим успехом. После нее были поставлены, отрывки из опер «Мазепа» и «Снегурочка», в которых Яша пел баритонные партии.

В 1945 году по конкурсу Яша поступает тимпанистом в «Большой Симфонический Радио оркестр», а вскоре и в Белградскую филармонию, где чувствует себя счастливым, занимаясь настоящей музыкой и играя под управлением известных дирижеров, приехавших в Белград из стран Европы, Америки и Сов. Союза.

В Радио оркестре, как все вновь поступившие музыканты, он попадает в руки дирижера Селинского — «дедушки» как все звали его в оркестре. «Дедушка» брал всех молодых музыкантов «на мушку», не давая никаких поблажек. Он оценил Яшину музыкальность и голос. Предоставлял ему по часу эмиссии с оркестром, которым сам управлял. Яша выступал здесь с оперным репертуаром, пел арии из опер «Князь Игорь», «Алеко», «Мазепа», «Царская невеста» и др.

В это время ему предлагают поступить во вновь открывшийся оперный театр с Сараево, но Яша отклонил это предложение, не желая променять оркестр на оперу.

В 1950 году Яше представляется возможность выехать из Югославии и он с семьей покидает Белград и уезжает в Марокко, Казабланку. Здесь не было никакой музыкальной жизни, за исключением маленького радио оркестра и опер, приезжающих на гастроли. Пройдя аудицию, Яша получил несколько эмиссий по радио, но уже только в сопровождении роля и в чисто концертном репертуаре.

Видя, что в Марокко нет музыкального будущего (так как арабы, борясь за независимость, не признавали европейцев), Яша покидает Северную Африку и переезжает в США, в Нью-Йорк. Здесь поступает в союз музыкальных работников и получает право играть в оркестрах на территории Америки и Канады. Но попасть в симфонический оркестр не было никакой возможности, туда принимали лишь своих, но не русских. Это обстоятельство заставляет его устроиться чертежником, чтобы обеспечить жизнь своей семье. Не желая окончательно порвать с музыкой, он выступает в концертах. Одно время очень часто и всегда с большим успехом. Много работает над усовершенствованием владения голосом и добивается больших результатов, и что главное для певцов — ровности с нижнего до верхнего регистров.

К сожалению, по скромности, он не напел своей пластинки. И когда его уговаривали, неизменно отвечал: «кому это нужно?» А нужно было хотя бы его близким и тем, кто любил и ценил его голос — лирический баритон красивого тембра, исполнение, доходящее до художественного совершенства и его безукоризненную манеру держаться на сцене.

Яков Михайлович был одним из выдающихся певцов Русского Зарубежья, заслужив всеобщее признание ценителей пения и добрую, светлую память его многочисленных друзей!

**Полковник
ИВАН ФЕДОРОВИЧ СУЛАЦКИЙ**

Инженер

**Офицер воспитатель 2-го Донского Имп. Александра 3-го
кадетского корпуса.**

6-го февраля 1979 года, в Буэнос Айресе (Аргентина) после продолжительной и тяжелой болезни тихо скончался старейший в Аргентине кадет полковник Иван Федорович Су-

лацкий. Покойный родился в г. Новочеркасске 23. 2. 1889. Воспитывался в Донском Имп. Александра 3-го кад. корпусе, по окончании которого, в 1906 г. поступил в Константиновское Артиллерийское училище, из которого в 1909 г. был выпущен хорунжим в Донскую Артиллерию. На войну 1914-18 г.г. выступил в чине сотника в составе 14 Донской конной батареи, в составе которой провел всю войну находясь все время в строю. После революции был откомандирован в Штаб Донского Атамана, где занимал разные должности, до должности начальника разведывательного отделения включительно. Участвовал в «Степном походе» и взятии Новочеркаска в 1918 г.

В апреле 1920 г. был командирован Донским атаманом в Белград, в распоряжение полк. Апухтина, как сказано в предписании: «для развития заграничной информации».

Вернулся из заграничной командировки перед самой эвакуацией Крыма. Генерал Рыковский пригласил его на должность офицера воспитателя во 2-ом Донском кад. корпусе с которым Иван Федорович прибыл в Югославию в Стрнище. В связи со сменой ген. Рыковского, некоторые воспитатели, между ними и полк. Сулацкий ушли из корпуса. Полк. Сулацкий, несмотря на то что ему уже было больше 30 лет — поступил в университет — технический факультет, геодезическое отделение. По окончании университета все время находился на государственной службе. В Аргентине работал по своей специальности в разных частных фирмах до выхода на пенсию.

Полковник Сулацкий был олицетворением русского Царского офицера, в лучшем смысле этого слова. К сожалению последние 7 лет, болезнь и частичная слепота и глухота не давали ему возможности принимать активное участие в кадетской жизни. Но тем не менее он никогда не пропускал случая оказать нам свое внимание поздравлением с праздником объединения или с приветствием кадетским съездам.

Мир праху твоему, дорогой однокашник. Не суждено тебе было лечь в родную казачью землю, за честь которой ты боролся с оружием в руках. Пусть же эта чужая Аргентинская земля будет тебе пухом.

Вдове покойного Ксении Ивановне самое сердечное соболезнование от всех кадет.

**Председатель Объединения кадет
Российских кадетских корпусов**

в Аргентине.

Сергей Якимович,

21 марта 1979 г. в госпитале в г. Наяке, около Н. Йорка, на 86 году жизни скончался

**Михаил Васильевич
АБАМЕЛИКОВ,**

капитан Российской Императорской Армии, первоходец и корниловец. Михаил Васильевич был воспитанником Киевского Владимирского Кадетского Корпуса, выпуска 1911 года, воспитателем которого был полковник Н. Н. Клопотовский. После окончания Киевского **Софийского** Пехотного Училища, Михаил Васильевич вышел в 44-ый Камчатский Пехотный Полк,

командиром которого был генерал-майор Май-Маевский. С этим полком Михаил Васильевич вышел на фронт в начале войны 1914 года и в Галиции был тяжело ранен. После ранения уже не вернулся в полк, а был назначен в Киевское **Софийское** Пехотное Училище курсовым офицером. Гражданская война застигла Михаила Васильевича в Екатеринодаре офицером Школы Прапорщиков. С юнкерами в группе ген. Покровского Михаил Васильевич участвовал в Первом Ледяном Походе ген. Корнилова. В эмиграции Михаил Васильевич жил с семьей в Польше на Волыни в гор. Луцке. Во время 2-ой Мировой Войны после захвата советскими войсками Волыни Михаил Васильевич в начале 1940 года был арестован, осужден и сослан в лагерь Гулаг'а в Коми АССР. Ввиду того, что Михаил Васильевич был капитаном запаса Польской Армии, он попал под амнистию и с польскими частями ген. В. Андерса выехал из Сов. Союза. Затем этапы его жизни: Персия, Палестина, Италия, Аргентина и последний причал с 1975 года США. Мир праху Твоему.

Друзья.

От Редакции:

Ниже помещаем сообщение комиссии по организации 7-го Съезда Кадет Российских Кадетских Корпусов, полученное нами уже после составления макеты этого номера. Не желая задерживать это важное сообщение до следующего номера, печатаем его как Приложение в самом конце журнала.

7-ой СЪЕЗД КАДЕТ Российских Кадетских Корпусов.

Разделяя полностью решение 6-го Съезда призвать кадет считать себя преемниками и носителями «Белой Идеи», Комиссия постановила посвятить 7-й Съезд — «Белому Движению».

7-й Съезд кадет состоится с 26-го по 31-е Июля 1980 г. (6 дней) под Парижем (20 минут езды на машине от города) в живописном пригороде Буживаль.

Адрес: Hotel du Parc
10-12 rue Yvan Tournegneff
78380 Bougival tel: 918 17 16

НЕОБХОДИМЫЕ СВЕДЕНИЯ.

1. Программа Съезда.

Суббота 26-го Июля.

Приезд участников Съезда и гостей. Размещение по комнатам.

13 ч. Обед. Отдых. Окончательное установление, с председателями Объединений, деталей программы и, в частности, парада, встречи Ея Высочества Княжны Веры Константиновны, молебна и первого заседания и открытия Съезда.

19 ч. 30 Ужин. Дружеская встреча — знакомство.

Воскресенье 27-го Июля.

9 ч. 30 Отъезд на автобусах в Париж на литургию:
— в Собор св. Александра Невского
— в Церковь Всех Святых в Земле Российской просиявших.

13 ч. Обед.

15 ч. Строй. Встреча. Молебен.
Открытие Съезда. Выборы Президиума. Принятие общей повестки заседаний. Приветствия с мест.

97

19 ч. 30 Ужин. Дружеская встреча с пением и музыкой.

Понедельник 28-го Июля.

9 ч. 30 Доклад К. М. Перепеловского (кадета Тифлисского корп.) «Белое Движение» — 1-ая часть «Зарождение». Обсуждение доклада.

13 ч. Обед.

15 ч. Паломничество на русское кладбище на кадетские могилы и на участки Добровольческих частей. Панихида.

19 ч. 30 Ужин. Дружеская встреча.

Вторник 29-го Июля.

9 ч. 30 Доклад К. М. Перепеловского — 2-я часть: «Вооруженная борьба». Обсуждение доклада.

13 ч. Обед.

15 ч. Экскурсия в Версаль на автобусах.

19 ч. 30 Ужин. Концерт, музыкальные выступления.

Среда 30-го Июля.

9 ч. 30 Кадетские дела: «Переключка».

13 ч. Обед.

15 ч. Экскурсия в Париж на автобусах.

19 ч. 30 Ужин. Дружеская встреча.

Четверг 31-го Июля.

9 ч. 30 Кадетские дела.

13 ч. Обед.

15 ч. Заключительное собрание. Принятие резолюции. Место и число 8-го Съезда.

19 ч. Банкет (с танцами). Розыгрыш лотереи.

Пятница 1-го Августа.

Прощание — разъезд до обеда.

Для желающих поездка в Мурмелон (180 клм. от Парижа) на военное кладбище где похоронены русские воины Экспедиционного Корпуса, сражавшиеся на Французском фронте в 1916/17 годах.

2. Стоимость пребывания на Съезде.

Комната со всеми удобствами включая утренний завтрак, обед и ужин с основными напитками (водка, вино и воды):

на одного: 280 фр. в день \times 6 = 1.680 фр.

на двух : 235 фр. в день \times 6 = 1.410 фр.

для детей до 12 лет комната и кофе даром, а каждая еда — 25 фр. К каждой окончательной сумме надлежит прибавить 50

фр. на Банкет. Следовательно, стоимость пребывания на Съезде с человека (6 дней)

в комнате на одного: 1.680,- + 50,- = 1.730 фр.

в комнате на двух : 1.410,- + 50,- = 1.460 фр.

(включая все расходы по переездам и экскурсиям)

3. Как записываться на Съезд.

а) Заполнить прилагаемый бланк и послать его Сергею Сергеевичу Калинину, ведущему запись и распределяющему по комнатам в гостинице всех приезжающих.

Адрес: Monsieur S. Kalinin
7, rue Erard 75012 Paris

б) В виду того, что мы уже внесли первый задаток за помещение и должны будем внести второй в Феврале, а третий в Мае, покорнейшая просьба, одновременно с присылкой заявления, внести по указанному ниже адресу, — 300 фр. (до Февраля), в Мае еще 300, - а остальные по приезде.

Комиссия убедительно просит вносить деньги во французских франках. Это важно потому что курс американского доллара все время меняется. К примеру, сумма 1.460 фр. в 1976 г. (съезд в Монреале) составила бы по курсу того времени (4,90) — 287, 75 дол., а в 1978 году нынешнего дня (4,12) — 355,- дол. Что будет в Феврале, Мае или, тем более, в Июле — неизвестно.

4. Куда вносить деньги.

Деньги надлежит переводить на банк:
Société Générale — BX
189 rue de la Convention
75015 Paris
Union Générale des Cadets Russes
— compte no 3540 — 3.726 066-4.

5. Куда писать.

Всю переписку по поводу самого Съезда надо посылать на Председателя Комиссии — Андрея Димитриевича Шмемана, по адресу:

Monsieur André Schmemann
12 rue Parent de Rosan 75016 Paris

В порядке информации.

Комиссия предполагает организовать лотерею, по примеру той, которая была устроена на 5-м Съезде в Монреале. Для

этого надо собрать 10-15 хороших выигрышей. Когда они будут найдены, Комиссия сообщит о том какие будут эти выигрыши, напечатает билеты и разошлет их по Объединениям с просьбой распространить. Цена билета будет — 5 франков или 1 ам. доллар.

Комиссия собирается сделать все от нее зависящее чтобы встретить всех участников Съезда и проводить их на место жительства.

Но для этого совершенно необходимо знать заранее точные данные о приезде. Поэтому своевременно будут сообщены фамилия и адрес того кадета, который будет заниматься этим делом и с которым и нужно будет снестись по этому вопросу.

Несомненно, что некоторые из приехавших на Съезд, захотят остаться дольше в Париже или приехать раньше. Комиссия постарается помочь им в этом вопросе, но и тут тоже очень важно будет сообщить о своем намерении и о том что нужно — заранее. И для этого дела будет назначен особый кадет, фамилия и адрес которого будут сообщены в свое время.

По всем этим вопросам, а возможно, набегут еще и другие, будет составлено и разослано всем 2-е сообщение.

* * *

Все эти сведения были доложены Председателем Комиссии Правлению Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов во Франции на заседании 12-го Октября сего года и, после внимательного обсуждения, были Правлением утверждены.

Расывая этот материал по всем странам и уголкам мира, Комиссия надеется, что кадеты соберутся в большом количестве на предстоящий Съезд и проведут его в атмосфере взаимного понимания и дружбы и что эта совместная жизнь, обсуждение интересующих всех вопросов и воспоминания о незабвенных годах юности, дадут нам всем новые силы для продолжения и укрепления кадетского дела и для преодоления трудностей и огорчений нашей повседневной жизни.

Председатель Комиссии

Андрей Шмеман.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.23

